

ДЖ. МЭДИСОН ДЭВИС

ЗАГОВОР ВАН СОГА

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЕР

Дж. Мэдисон Дэвис Заговор Ван Гога

OCR by Ustas; Readcheck by Vladimir

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158825

*Заговор Ван Гога: Роман/Дж. Мэдисон Дэвис; [пер. с англ. И. Судакевича]: ЭКСМО, Домино; М.; 2007
ISBN 978-5-699-21343-6*

Аннотация

Эта поездка обещала быть утомительной, но нисколько не опасной: Эсфирь Горен отправилась в Чикаго, чтобы повидаться с отцом, которого почти не помнила и о котором мало что знала.

Она никак не могла предполагать, что едва не погибнет при встрече и что отца убьют у нее на глазах, что ей предстоит раскрыть зловещие тайны, ждавшие своего часа со времен Второй мировой войны, и вернуть миру утраченный шедевр великого мастера.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	33
Глава 4	53
Глава 5	68
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Дж. Мэдисон Дэвис

Заговор Ван Гога

Глава 1

УБИЙСТВО В ДЕНЬ ИГРЫ

Отца Эсфирь Горен не помнила. От него не осталось ни фотографий, ни вещей, ни рассказов родственников – ничего. А в глазах Розы, ее матери, Сэмюэль Мейер не заслуживал упоминаний даже как генетический отец. Он был всего лишь побочным обстоятельством, этот мужчина, бросивший жену сразу после рождения ребенка и поэтому не заслуживающий прощения. В тех редких случаях, когда Роза все-таки упоминала о нем, губы ее поджимались и челюсть сводило судорогой. Произнести его имя требовало стольких усилий, что Роза всегда терпела неудачу, будто пыталась в одиночку поднять рояль. А потому это имя никогда не звучало вслух. Никто не слышал от нее выражений – «отец Эсфири» или «мой бывший муж». Лишь одно-единственное слово, как пренебрежительный бросок, – «свинья». Всегда только «свинья».

«В тот год, когда эта свинья смылась, я пошла работать в обувной магазин».

«Сильная была свинья. Вот почему ты тоже сильная».

«У тебя мозгов раз в десять больше, чем у этой свиньи, а уж про силу воли и говорить нечего».

«Хватит вопросов! Эта свинья не любила меня, а значит, и тебя. И нечего выдумывать! Кому он вообще нужен?»

Так стоило ли пересечь полмира, чтобы встретиться с этой самой «свиньей»? Какой смысл в том, что сейчас Эсфирь оказалась на улицах Чикаго? Зачем? Чтобы посмотреть, сможет ли «свинья» оправдаться? Чтобы узнать, кем в действительности был Сэмюель Мейер? Чтобы понять, кто она сама такая?

Эсфирь начинало мутить, закружилась голова. Девушка попыталась было убедить себя, что во всем виноват длительный перелет, но она помнила, что тошнота накатила в ту секунду, когда смуглый весельчак, водитель такси, жизнерадостно объявил:

– Все, приехали!

Конечно, ему-то что... Для него дом Сэмюеля Мейера – всего лишь адрес...

«Мосад» научил ее прятать чувства, однако сегодня дело казалось особенно трудным. Не то чтобы ей угрожала опасность. Во всяком случае, не физическая. За свою карьеру ей уже дважды приходилось работать под чужой легендой: первый раз в Тегеране, а второй – во время участия в движении «Хамас». На одной из перестрелок в Газе она попала под огонь своих же солдат. А в восемнадцать лет, после призы-

ва в Армию обороны Израиля, какой-то сириец прижал ее к земле очередями, да так, что едва не разнес по кусочкам тот валун, за которым она пряталась. Но она все равно нашла в себе силы перекатиться, вскинуть винтовку и снять его одним выстрелом. Для этого пришлось взглянуть в черный глаз советского «Калашникова», а вот теперь Эсфирь не могла заставить себя посмотреть на дом Мейера.

На другой стороне улицы высилась какая-то бетонная стена, из-за которой доносился людской рев.

– Что это? – спросила она. – Американский футбол?

– Так это ж «Ригли-Филд», мэм! – затряс курчавой шевелюрой таксист. – Бейсбол! Наши «Чикаго Кабс»!

Он сверкнул сахарными зубами и пропел:

– В который раз обставят на-а-ас!

Не отреагировав на шутку, Эсфирь под плывущие над ареной звуки органа мрачно разглядывала счетчик: «\$38,80». Нахмурившись, она протянула пятидесятидолларовую купюру через спинку переднего сиденья и попыталась сообразить, сколько это будет чаевых в шекелях, потом запуталась и вовсе отмахнулась от сдачи. Таксисту, похоже, это понравилось. Девушка вылезла, стянула свою наплечную сумку на тротуар, и машина, взвизгнув покрывками, умчалась прочь. Глубоко вздохнув, Эсфирь отвернулась от стадиона и в упор взглянула на дом, где обитала «свинья». Отец, которого она не помнила.

Парализующей волной нахлынули сомнения. Несколько

метров осталось до той двери, за которой ее жизнь изменится совершенно непредсказуемым образом.

Ну конечно, Эсфирь много раз фантазировала про отца, особенно в подростковом возрасте. Она воображала его секретным агентом, на пару с Шимоном Визенталем¹ охотившимся за теми, кто мучил ее мать. Как-то раз в детстве она даже рассказала об этом своей подруге. Та не поверила. И немудрено: слишком очевидными казались эти выдумки, которым еще предстояло перерасти в отчаяние, мечущееся между ненавистью и надеждой.

В том кибуце, где росла Эсфирь, встречались дети, чьи отцы погибли в Ливане или во время Интифады². Эти мужчины были разлучены с семьями против своей воли. В детском воображении мог сохраниться, к примеру, образ летчика или, например, артиллериста, который подарил ребенку жизнь, а затем погиб, защищая ее. А вот Сэмюэль Мейер из личных соображений хлопнул за собой дверь, так сказать, перед лицом дочери. Пару раз, уступив особенно настойчивой осаде, ее мать заявляла, будто «эта свинья» сбежала с какой-то белобрысой шиксой. Впрочем, судя по интонации, ее слова означали только одно: «Если тебе нужны сказки, то как насчет вот этой?»

¹ Шимон (Симон) Визенталь (1908-2005) – бывший узник двенадцати концлагерей. Всю свою жизнь после войны посвятил розыску нацистских преступников, избежавших наказания. (Здесь и далее примеч. ред.)

² Восстание палестинцев в 1987 году.

Какие бы болезненные воспоминания ни держала в себе Роза Горен, будь то Кристаллнахт, Освенцим или изнасилование советскими солдатами, в свое время она могла говорить о них, пусть даже запинаясь. Но только не о Сэмюеле Мейере. А сейчас, когда старческое слабоумие подточило ее разум, от этой женщины осталась лишь оболочка, безмятежно взирающая на волны Средиземноморья. И если в медицине не произойдет чуда (та самая надежда, за которую вопреки всей логике и самой себе цеплялась Эсфирь), то Роза никогда уже не сможет хоть что-нибудь добавить про отца своей дочери...

Оценивая взглядом подтянутую фигурку девушки, мимо прошел какой-то пузатый фанат в бейсбольном кепи. Эсфирь вдруг резко почувствовала, насколько выбивается из общего фона, стоя вот так на улице с вещами. Она инстинктивно оглянулась, слишком хорошо зная, что в ее работе внимание окружающих означало короткую жизнь с болезненным концом.

Подхватив сумку, девушка ступила на веранду отцовского дома. Нажала кнопку, и сердце екнуло в ответ на пронзительный звон, слившийся с уханьем динамиков стадиона. Эсфирь прислушалась, однако ничего не разобрала в потоке смазанных слов диктора. Она позвонила в дверь еще раз. За смотровым глазком вроде бы что-то мелькнуло, но, когда никто так и не открыл, девушка решила, что все дело в отражении от проехавшего грузовика.

– Мейер, откройте! – позвала она, в третий раз нажимая кнопку.

Как и раньше, звон растаял в глубине дома, не вызвав ответа.

«Может быть, ему слишком стыдно и он не хочет отпираться? » – подумала девушка. Потом она представила, что отец болен и не в состоянии подняться с кровати. Или нет, он умер. Лежит на софе. Растянулся на полу. Кулем обмяк в ванной. Мертвых она видела много. Кормящих матерей. Детей. Террористов. Кем бы они ни были, чего бы ни ждали в жизни – все обернулось вздутой, почерневшей плотью с коркой запекшейся крови в волосах. Изменится ли хоть что-то, если перед глазами окажется тело отца, которого ты никогда не знала и не любила? Что вообще полагается испытывать в таких случаях? На дверные звонки никто не отвечал, и от вызванного этим облегчения становилось не по себе.

Эсфирь сошла с веранды и заглянула в узкий проход между домом Мейера и соседним зданием. Здесь стояла кислая вонь, как от гниющих дынь или перестоявшего пива. Девушка секунду-другую подумала, вздохнула и направилась в глубь аллеи в надежде отыскать какой-нибудь черный вход.

– Sie ist gegangen, SS-Standartenfuhrer Stock.

Поначалу она даже не поверила собственным ушам:

«Ее нет, штандартенфюрер СС Шток». Сердце забилося так, что казалось, пульс эхом отражается от стен.

Затем другой голос: «Ich bin nicht der Standarten-fiihrer! И

хватит юлить, старик! Где она?»

Эсфирь посмотрела вверх. В нескольких футах над головой виднелось крошечное приоткрытое окошко.

– Где что, штандартенфюрер?

Звук резкой пощечины и приглушенный всхлип.

– Wo ist es? Wo ist es? Где она? Пулю захотел?!

Девушка поджалась, как кошка, каждый нерв настороже, но выстрела не последовало. Второй человек рассмеялся в ответ на угрозу:

– Тогда я стану трупом! Вы думаете, меня это пугает? Ха! Да ради бога! Я только спасибо скажу.

Эсфирь метнулась в глубь аллеи. Ее учили ориентироваться в подобных ситуациях; более того, этим не раз приходилось заниматься на деле, причем часто. Страх никуда не исчез, он просто трансформировался в смертельно опасную энергию. Добежав до конца дома, она очутилась перед деревянным забором в рост человека. Одним ловким движением перебросив тело через препятствие, девушка приземлилась в миниатюрном заднем дворике, рядом с небольшим крыльцом. Запертая стальная решетка перегораживает дверь, зато чуть в стороне, левее, зияет вход в подвал. На вывернутом засове бесполезно болтается амбарный замок.

Она остановилась на краю, прислушалась и, не услышав никаких звуков, нырнула вниз, в затхлый и влажный мрак. Как прыжок в холодную воду, только не напропалую, а вдоль стенки, чтобы силуэт не маячил на светлом фоне проема. К

лицу липнет паутина... Резкий щелчок! Что это? А, водонагреватель включился... Она на пару секунд закрыла глаза, привыкая к темноте. По узкому окошку, забранному металлической сеткой, торопится паук. Под ним какой-то древний верстак, пыльный и заброшенный. Ворох заржавленных инструментов. Ничего, ей приходилось убивать и меньшим. Разводной ключ? Нет, лучше взять вот эту отвертку, что подлиннее. Старенький баллончик с краской? Легкий нажим, и наружу рвется облако. Так, полна коробочка...

Из подпола ведут деревянные ступеньки. Любая из них может предать. Только бы не скрипнула... Прижимаясь к стене, Эсфирь осторожно поднялась до прикрытой двери и замерла, как кошка перед прыжком. Теперь голоса звучали намного громче.

– Что, еще? Еще хочешь? Где она?

Глухой звук падения. Одного из мужчин только что сбили на пол.

– Может, по почте отправлена. Может, вы опоздали...

– У кого она? Кто ее взял? Wer? Кто?

Кашель и слабый смех.

– Вы думаете, что знаете, что такое боль, штандартенфюрер Шток? Евреи знают, что такое боль. Я знаю, что такое боль.

Должно быть, мужчина на полу и есть Мейер. Эсфирь прильнула к замочной скважине. Выцветшие коричневые обои. Край какой-то темной деревянной панели. Ей надо по-

нять, стоит ли мужчина по имени Шток спиной к двери, но пока ничего не видно.

Звук выстрела прозвучал так оглушительно, словно кто-то со всего размаху хлопнул дверью. Эсфирь чуть было не покатилась вниз под вопли агонии Мейера, но мгновением позже девушка уже очутилась в гостиной, опустив отвертку к колену и удерживая баллончик на уровне плеч. На полу корчится человек. Лицо перекошено, руки стискивают окровавленное колено. Крошечный миг растерянности, и вот уже мужчина по имени Шток разворачивает в ее сторону свой «ругер», но она так стремительна в своей атаке, что пистолет сталкивается с отверткой. Эсфирь давит головку баллончика, и шипящие брызги расцветают серыми клубами.

Отпрянув к камину, Шток рукавом прикрывает глаза и вслепую машет перед собой пистолетом. Эсфирь делает выпад отверткой в живот, однако после встречи с «ругером» рукоятку выбило из пальцев, и теперь она сжимает только сам черенок. Отвертка утыкается в поясной ремень и, выскользнув окончательно, падает на пол. Эсфирь тут же вскидывает руку, чтобы основанием ладони загнать носовые хрящи противника ему в мозг, но по запястью бьет пистолет. Она морщится от боли, однако успевает ногой врезать Штоку в пах. Мужчина рычит и, придерживаясь за каминную полку, трясет головой на манер разъяренного быка.

Нацелившись большими пальцами на кадык, она прыгает к посеревшему лицу противника, поскальзывается на крови

Мейера и ударяется об грудь Штока, который и отшвыривает ее поперек комнаты своими толстыми ручищами. Эсфирь с размаху прикладывается затылком о дверной косяк, и на мгновение ее словно парализует. В это время Шток вскидывает свой пистолет и пробует прицелиться, отчаянно смагивая слезы с воспаленных глаз.

– Эсфирь! – кричит Мейер. – Девочка моя!

Он цепляется было за лодыжку Штока, но тот запросто стряхивает старика с ноги и разворачивается к девушке. Впрочем, своим вмешательством Мейер дал ей пару секунд, чтобы прийти в себя, и Эсфирь вновь бросается вперед.

Мужчина встречает ее хлестким ударом в лицо, и на этот раз девушку отбрасывает еще дальше, она спотыкается о порог и кувырком летит вниз по темной подвальной лестнице.

Сознание вот-вот ускользнет, и Эсфирь не вполне удаётся разобраться со своими ощущениями. Холодный бетон подвального пола. Металлический привкус крови. Или, может, это краска? А это что, завывают сирены? Кричат люди? Руки не повинуются. Кажется, она перевернулась на бок и теперь видит... силуэт Штока? Вскинут пистолет. Выстрел? Говорят, свою пулю никто не слышит...

Резкие хлопки. Нет, определенно, это стрельба. Тяжелые толчки в корпус, словно штрафные удары, разбивающие нос вратарю-неумехе.

Бух! Бух! Бух!

До того как обрушилась темнота, успевают промелькнуть

две последние, простые мысли:

«Отец меня узнал».

«Отец сражался за меня».

Глава 2

ТАЙНЫ СЭМЮЕЛЯ МЕЙЕРА

Барабанная дробь костяшек о стальную дверь заставила Эсфирь вскинуть голову и отвлечься от решения нелегкой задачи, как завязать кроссовки. Ага, должно быть, очередной доктор. Санитарки, судя по всему, не умеют стучаться. Впрочем, на пороге возник худощавый мужчина с квадратной челюстью и ежиком рыжеватых волос. «Следователь», – подумала она. Костюм на нем был более удачного покроя, нежели обычно носят служители порядка, и все же в нем безошибочно узнавался полицейский до мозга костей. Эсфирь отпустила шнурки и устало откинулась на низеньком клеенчатом стуле.

– Ну сколько можно? – спросила она.

– Пардон?

– Сколько можно меня допрашивать?

– Я здесь не для допроса.

– А зачем тогда? Переезд в другую палату? Вот уж спасибо. Шесть раз за последние три дня. Все, с меня хватит. И вообще, если у вас принято так тасовать пациентов, то могли бы начислять бонусные мили, что ли.

– Ничего, если я войду? – спросил мужчина. – Я мог бы вам помочь.

Она настороженно посмотрела ему в глаза, словно ожидая, что он вот-вот начнет рекламировать новейшие средства для желающих похудеть. Впрочем, она так устала, так устала с того злосчастного дня, когда ее ранили...

Безразлично поведя плечом, она ответила:

– Ну, если хотите...

И отвернулась к окну.

По-мальчишески застенчиво улыбнувшись, он присел на колено и быстро покончил с одним шнурком. Затем, деликатно придерживая за пятку ее вторую ногу, ловко надел кроссовку и на нее. Солнечный луч из окна рассыпался золотыми искрами на его дешевеньком обручальном кольце. Девушка искоса кинула взгляд, чтобы узнать, не пялится ли он на ее ноги, но увидела только макушку головы. Почувствовав, что на него смотрят, он поднял глаза.

– Меня зовут Мартин Хенсон, – представился мужчина. – Как вы себя чувствуете? Лучше уже?

– Я бы сказала, что меня лет двенадцать обрабатывали резиновой дубинкой.

– Врачи говорят, дело идет на полную поправку.

– Да что вы? Везет же мне. Выходит, напичкали пулями, да только не в десятку.

– Лучше быть живым везунчиком, чем мертвым умником, – глубокомысленно изрек Хенсон.

Эсфирь невольно поежилась. Тут ей пришло в голову, что он, наверное, слышал о той пуле, что попала ей в левую

грудь. Может, это его заводит?

– Сильно болит?

– Когда болит, значит, человек жив... Так, побаливает немножко. А потом, при желании здесь дают перкоцет.

Он встал.

– В вас уже стреляли когда-нибудь?

«Стреляли, – подумала она. – Да только не попадали».

– Нет. А с какой стати? Я всего-то агент в турфирме.

Он кивнул.

– Не возражаете?

Подойдя к выходу, он осмотрел коридор в обе стороны и, не дожидаясь согласия, закрыл дверь.

Девушка было напряглась, но сразу поняла, что этот Хенсон слишком спокоен, чуть ли не беспечен, чтобы оказаться реальной угрозой.

– Терпеть не могу госпитали и лазареты, – сказал он. – А вы?

Как странно он подбирает слова... Что-то не похоже на обычную светскую беседу.

– Вы знаете, – помолчав секунду, прошептал он, – оперативник «Мосада», работающий в Соединенных Штатах нелегалом, много чего может добиться. Ведь дипломаты таких, бывает, дров наломают... Чуть пережал, и все: сорваны какие-нибудь переговоры, что мы ведем с палестинцами и прочими...

– «Мосад»? – Эсфирь рассмеялась. – Скажете тоже! При

чем тут «Мосад»? Я же просто работаю в турфирме.

– Вы что же, думаете, мы не отслеживаем разведагентов, рвущихся в Америку? – негромко спросил Хенсон. – В текущей-то обстановке? А потом, ваше правительство, конечно же, держит нас в курсе. Чикагскую полицию очень заинтриговала гражданка Израиля, которая, едва сойдя с трапа, получает несколько пуль. Они позвонили в ФБР, те связались с вашим посольством, те, в свою очередь, с госдепом и так далее. Нас заверили, что вы здесь присутствуете «не по долгу службы». И заодно поручились, что вы полностью готовы с нами сотрудничать.

– Я приехала повидать отца и нарвалась на какого-то грабителя.

– Мне обещали, – заупрямился Хенсон. – Ваш Йосси Лев обещал, что вы будете сотрудничать.

Эсфирь промолчала, стараясь не показать виду, что это имя выбило ее из равновесия. Впрочем, недавно принятое обезболивающее оказалось не столь уж сильным, поэтому любую ее реакцию можно было списать на гримасу боли. С другой стороны, где гарантия, что он не догадался, о чем она думает? Кто он вообще такой, этот Хенсон? Телепат?

– Как вы сказали?

– Йосси Лев. Мы с ним утром созвонились. Майор Лев просил передать вам «шалом». Он говорит, что после всех ваших приключений с трудом верится, что вы во время отпуска умудрились попасть в такую переделку. Они, знаете

ли, поначалу подозревали «Хамас», но эта версия не подтвердилась.

– Я не понимаю, о ком или о чем вы говорите.

– Ну конечно, – улыбаясь, отозвался Хенсон. – Вы не понимаете. Послушайте, я никаких ловушек вам не расставляю. Просто позвольте мне объяснить, что нас интересует.

– Через полтора часа я должна быть в аэропорту.

– Не страшно, время еще есть.

Из кармана пиджака он вытащил записную книжку и «монблан». Не часто встретишь такую дорогую авторучку у полицейского. А что, если он из госдепа? Впрочем, Хенсон так и не снял колпачок, а просто воспользовался «Монбланом» как указкой, водя ею по своим записям.

– Итак, по словам следователя Томаса из полицейского управления Чикаго, – начал он, – вы заявили, что отец позвонил вам и сообщил, что рак предстательной железы дал метастазы и что ему осталась максимум пара недель.

– Да. – Эсфирь отвернулась к окну. – Считанные дни.

Мейер звонил ей раз пять. Умолял. Рыдал в трубку. Утверждал, что истратил тысячи долларов на международные звонки, пытаясь проследить за своей семьей на протяжении всех этих лет. Он знал, что Роза так и не вышла замуж повторно, а просто вернула свою девичью фамилию. Ну разве отсюда не видно, что он беспокоился, заботился? Ведь он тоже не женился. Он по-прежнему любит Розу, любит и ее, свою дочь.

Как смел он называть это любовью? Все его всхлипы лишь сильнее разозлили Эсфирь, и она уперлась намертво. У нее нет никакого желания видеть отца. Не прошло и года после ее рождения, как он бросил мать. Такое – простить?! Девушка поморщилась, припомнив, как бросила трубку, выкрикнув сначала все о своей ненависти. Он перезвонил еще раз. Она сидела и слушала автоответчик, откуда неслись рыдания и мольбы на ломаном иврите и совсем уже невразумительном идише. Он утверждал, что ему надо кое-что ей передать. Нечто настолько важное, что возместит все, что он натворил. Мать бы поняла, уверял он. Его жизнь прошла впустую. Это его последний шанс хоть что-то сделать для своего единственного ребенка.

Эсфирь разрывалась на части. Чего бы он ни обещал ей дать, это не играло никакой роли. Ей даже не было интересно. Но каких бы ошибок ни наделал Мейер, ей хотелось знать, кем он был, хотелось взглянуть ему в глаза и понять, что он за человек. Здесь не обойтись без совета матери, однако к тому времени Роза уже совсем потеряла всякую способность реагировать на мир. Еще год назад она порой принимала свою дочь за тетю Полю, задохнувшуюся в тюремном вагоне по пути в Освенцим, а по мере того, как мыслительные процессы Розы распадались на части, она все чаще и чаще в своем сознании переживала ужасы тех юных лет. Теперь же в инвалидной коляске сидела женщина, бесстрастно глядящая перед собой без тени мысли или чувства.

Бледный призрак, наконец-то освобожденный от всех кошмарных воспоминаний. Роза Горен была жива, но только на бумаге, как имя еще не умершего человека. Эсфирь задавалась вопросом, не потому ли она согласилась встретиться с Сэмюэлем Мейером, чтобы просто заполнить образовавшуюся пустоту? Чтобы воссоздать некое подобие семьи, хотя бы на тот краткий срок, что был отпущен ее отцу?

Одной бессонной ночью Эсфирь села в машину и проехала через весь Тель-Авив, ища совета у Йосси Лева. Майор терпеливо выслушал, но, как и всегда, ответил прямо и грубовато: «Хочешь, езжай, а хочешь, нет. Следуй своей интуиции. Она выручала тебя в тысяче диких ситуаций». Да, но что именно пыталась сказать ей интуиция? Как было разобраться в противоречивых эмоциях, что взяли ее в клещи подобно толпе разъяренных фанатиков, побивающих жертву камнями?

По дороге домой ей вспомнился один ортодоксальный раввин, с которым она как-то раз познакомилась в доме призрака, куда пришла навестить мать. Нельзя сказать, чтобы Эсфирь была глубоко религиозна, но этот раввин казался ей очень понимающим и мудрым, так что на следующее утро после известия об отце она позвонила с просьбой о встрече. И раввин сказал ей, что нельзя допускать, чтобы на решение влияли те воображаемые чувства, которые якобы испытывает ее мать. Ведь Роза уже ничего не чувствует. А сама Эсфирь никогда не сумеет обрести душевный покой, ес-

ли не встретится с отцом. Такая поездка, а может быть, даже и прощение (если она найдет в себе столько сил) могли бы стать «мицвой», актом сострадания и милосердия в отношении умирающего человека, каких бы бед он ни натворил. Милосердие куда важнее наказания, и за это ей воздастся...

– Словом, вы решили лететь в Чикаго, – напомнил о себе Хенсон.

Она молча кивнула. Впрочем, Мейер ничего не знал. Она купила билет, уговорив саму себя, что сможет отказаться в последний момент. Самообман, конечно, но в ту минуту она в это верила.

– И вы, стало быть, позвонили ему из аэропорта, а он дал вам адрес?

– Не только. Он мне назвал... эти... как их там?.. Какие-то «сетевые координаты», что ли... Сколько-то там сотен к северу, чего-то такое к западу... Не могу сказать, чтобы я в них толком разобралась, зато таксист все отлично понял.

– У нас тут сетка используется. Пересечение Стейт-авеню и Мэдисон-авеню дает нуль, точку отсчета, – объяснил Хенсон. – Весьма удобно, ведь заблудиться в большом городе проще простого, особенно в Старом Свете: Лондон, Дамаск, Каир. Такая древность, знаете ли...

– Надо же, никогда не слышала, – сказала она.

Хенсон улыбнулся.

– Хотя работаете в турфирме?

– Я организую группы.

– А-а...

Она вспомнила, как дрожал голос на том конце провода. На секунду ей пришло в голову, уж не стоял ли рядом Шток, приставив пистолет к виску Мейера, но нет, это звучали эмоции. Благодарность за шанс получить прощение...

– Когда я позвонила из аэропорта, отец дал адрес и сетевой код. Я приехала, а там... Ну, вы знаете.

Пару секунд Хенсон молча смотрел ей в лицо.

– Этот самый Шток, должно быть, настоящий эксперт, коль скоро он с вами справился. В смысле, с вашей-то подготовкой... Лев говорит, вы одна из лучших.

– Подготовка? О чем вы?

Ничего не ответив, Хенсон многозначительно опустил глаза на свои записи. И все-то он знает, все-то он ведает... Наглый индюк. Страшно потянуло влечь ему пощечину.

– Вы вот что мне растолкуйте, – зло прошипела она. – С какой стати сюда «контора» лезет? Расследовать убийство – это дело для чикагской полиции. Я им дала приметы, все рассказала. Теперь они должны найти его убийцу. А убийства – это их епархия, не ваша, ясно?

– Вы сказали «контора»? А при чем здесь ЦРУ? – Хенсон мило улыбнулся. – Теперь уже я не понимаю, о чем говорите вы.

«Ах, вот как? – подумала она. – Бей врага его же оружием?»

– Мне нужно вызвать такси.

– А вот детектив Томас сначала подумал на вас, что это вы отца убили.

– Я?! Да в меня три раза стреляли!

– Что ж поделаешь, такая у него была версия. Кроме шуток.

– Мейер сначала выпустил три пули в меня, а потом еще две себе в лицо? Или, погодите. Сначала я застрелила его, потом себя, будто бы...

– Ужас, правда? Но понимаете, когда он получил сведения про Мейера, то ему показалось, что...

– Сведения?

– Причина, по которой от него ушла ваша мать.

В комнате воцарилась такая тишина, будто вселенную только что передернуло. Что он несет?

– Это Мейер нас бросил, а не мать!

– Вы серьезно ничего не знаете? – Хенсон склонил голову набок. – Вы меня извините, в это трудно поверить. Я говорю, вы всегда могли бы все узнать, если бы только захотели. Но ведь не захотели, верно? Впрочем, вас можно понять.

– Он удрал от матери с какой-то шиксой! С белобрысой шиксой!

Ни одно чувство не отразилось на лице Хенсона.

– Неверно.

У Эсфири заныло сердце. Она отказывалась встретиться с отцом, когда тот уже умирал. А теперь, после того, как она наконец-то уступила, его вырвали в тот самый миг, когда он

был готов объяснить, почему оставил семью. Нет-нет, это невозможно! Такое объяснить нельзя! Отчего же он не попробовал с ней связаться за прошедшие тридцать пять лет? Та боль в глазах матери при всяком вопросе об отце... Откуда она? Появилась на пустом месте?

– Вы родились в начале шестьдесят шестого года, – сказал Хенсон. – Примерно в то же самое время Служба иммиграции и натурализации пересматривала дела нескольких евреев, попросивших убежища около пятьдесят первого года. Я бы сказал, их скорее интересовали советские агенты-нелегалы, нежели вероятные нацисты. Как бы то ни было, о вашем отце всплыли кое-какие вещи, очень напоминавшие биографию некоего головореза по имени Стефан Мейербер.

На лбу Эсфири выступил холодный пот. Мать ни слова об этом не упоминала!

– И?

По словам Хенсона, после прибытия в Соединенные Штаты жизнь Сэмюеля Мейера ничем особенным не выделялась. Он осел в Чикаго и устроился в одну из мастерских, подрабатывая таксистом-частником по выходным. Копил деньги, а потом вместе с Розой Горен купил тот самый дом, где и умер в конечном счете. В полицейские сводки имя его попадало дважды. В 1959 году он проходил свидетелем по делу об ограблении. Возле какого-то джаз-клуба белый отнял деньги у черного. До суда не дошло, потому как жертва так и не появилась, чтобы подать официальное заявление в поли-

цию. В 1963 году его задержали во время забастовки в числе доброй дюжины пикетчиков. Факты обвинения оказались подтасованы в целях давления на их профсоюз, так что по прошествии нескольких часов Мейера отпустили. В общем, жизнь его текла тихо и спокойно, он был весь поглощен работой, время от времени ходил в синагогу и играл в домино с рабочими-итальянцами, все из той же мастерской. В начале 1966 года родилась Эсфирь. Словом, Сэмюель Мейер и его супруга Роза, можно сказать, посвятили себя воплощению американской мечты.

Однако через несколько месяцев после рождения дочери Сэмюель Мейер зашел в ломбард, расположенный неподалеку от делового центра, и предложил серебряную табакерку, украшенную изображениями скрещенных пушек и геральдических лилий. Хозяин ломбарда сразу понял, что вещьца намного древнее и дороже, чем утверждал Мейер. Месяцем раньше в одном из особняков квартала «Лейк-форест» произошло ограбление, пропало несколько антикварных поделок. Хотя в списке, переданном из полиции, табакерка не значилась, хозяин все равно позвонил в участок и поделился сомнениями. Полиция застала Мейера на его таксомоторной стоянке и допросила. Он сказал, что табакерку ему дал какой-то человек в Голландии, еще во время войны, и что вплоть до эмиграции он носил ее в кармане как талисман. При более тщательном осмотре на днище удалось прочитать клеймо пробы и монограмму, из которой следовало, что эту

табакерку изготовили для родного брата Людовика XIV, Филиппа, – главнокомандующего войсками Франции. Этот знаменитый гомосексуалист заказал для своих ближайших друзей пять таких табакерок. Три из них находятся в музеях, одна утеряна, а еще одну в 1943 году отобрали у банкира-еврея из Ниццы. Причем грабитель известен – французский нацист по имени Стефан Мейербер.

Мейера взяли в оборот. Тот факт, что он свободно говорил по-французски и не мог подтвердить свое местонахождение в период с середины 1940-го вплоть до появления в Авиньоне в 1947-м, вроде бы свидетельствовал не в его пользу, напоминая скорее биографию Мейербера. При марионеточном режиме Петена этот самый Мейербер помогал выявлять евреев и растаскивать их имущество. Когда Германия установила более прямой контроль над югом Франции, он решил любой ценой доказать свою лояльность. Один немец, из числа бывших армейских офицеров, дал показания о том, что Мейербер до смерти затоптал беременную женщину. Два выживших узника трудовых лагерей видели, как он суповой ложкой выковырял глаза у мальчика-подростка. В обоих случаях свидетели уверенно указали на Сэмюеля Мейера, хотя армейский офицер был почти слеп. Словом, началась подготовка к лишению Мейера гражданства с последующей депортацией во Францию, где его ждал трибунал. Слушания назначили на ноябрь 1966 года.

У Эсфирь засосало под ложечкой. Во рту пересохло так,

что она едва сумела выдать слова:

– А мой... мой отец признался?

– Нет. Во всяком случае, никому из властей. Продолжал настаивать, дескать, пробираясь на юг, он в районе Маастрихта встретил какого-то беженца, который и обменял ему эту табакерку на еду и кое-что из вещей. К концу лета дела в семье пошли из рук вон плохо. Незадолго до Дня труда ваша мать тайком вывезла вас из Чикаго в Нью-Йорк, а оттуда самолетом в Тель-Авив. Едва сойдя с трапа, она попросила убежища для вас обоих, а затем и вовсе отказалась от американского гражданства. Она упорно не желала объяснять причины такого загадочного поведения и категорически утверждала, что не имела никакого понятия о роли Сэмюэля Мейера во время войны. Единственное, что она могла о нем сказать... вы уж меня извините, но, по ее словам, он был «свиньей». Даже когда израильские власти пригрозили ей отменой визы с последующей высылкой в Штаты, она и тогда отказывалась давать какие-либо показания против мужа.

– Но ведь обратная высылка запрещена «Законом о возвращении»!

– Возможно, они просто блефовали, – ответил Хенсон. – Впрочем, не забывайте, что несколькими годами позже израильяне не впустили Мейера Лански, знаменитого мафиозо. За неделю до слушаний пришли неожиданные известия из деревушки Шантери, что рядом с Женевой. Оказы-

вается, газета «Интернэшнл геральд трибьюн» перепечата- ла обвинения против вашего отца, и они попали на глаза местному инженеру, который припомнил кое-какие расска- зы своих родителей. Судя по всему, человек по имени Сте- фан Мейербер пересек франко-швейцарскую границу в ты- сяча девятьсот сорок пятом году. Обычно таких людей де- портировали немедленно. К примеру, несколькими годами ранее швейцарцы, бывало, отправляли назад даже евреев, на верную смерть в Германию. Однако человек, именовав- ший себя Мейербером, уже стоял чуть ли не на краю моги- лы. Он попытался подкупить деревенские власти, предлагая им некое драгоценное распятие, которое, как потом выясни- лось, в свое время было похищено при разграблении чьей-то коллекции в Авиньоне. К моменту своего появления в Шан- тери этот человек уже бредил и кашлял кровью вследствие жестоких побоев. Дня через четыре он умер.

Хенсон доверительно склонился к Эсфири.

– Деревенские решили, что он либо оказался жертвой пре- ступления, либо его избили в отместку, как нередко случалось в освобожденных странах. И тогда они сделали фото- графию этого человека на смертном одре. Он был похоронен в могиле для бедных, и на этом бы история закончилась, ка- бы не то самое распятие и воспоминания инженера. Перед лицом довольно веских доказательств о кончине Мейербера власти отказались от обвинений в адрес вашего отца. Отме- чу, что многие эксперты считали смерть Мейербера простым

спектаклем, возможно, даже не без помощи симпатизирующих швейцарцев. Однако у них не имелось никаких фактов, приемлемых в суде. Такие группы, как «Die Spinne»³, «Одесса», да и все прочие организации скрывающихся нацистов изрядно преуспели в подобных инсценировках. Как бы то ни было, интерес к распутыванию загадки Сэмюеля Мейера заметно угас на фоне вьетнамских событий, не говоря уже о пресловутой кнопке, которой сверхдержавы стращали друг друга.

У Эсфири сверкнули глаза.

– Вы сами-то верите, что мой отец был Мейербером?

Хенсон не стал прятаться от ее пылающего взгляда:

– Да, мисс Горен, боюсь, что верю.

Она вскочила со стула и сделала несколько неловких шажков, пытаясь размять многострадальные, покрытые синяками мышцы.

– Это идиотизм.

– Почему? Вам что-то рассказал отец?

– Ничего он мне не рассказывал. Возможности такой не было... Нет, это же надо! Пролететь тысячи миль – и вот здравствуйте вам! Вы что, всерьез полагаете, будто моя мать позволила бы военному преступнику разгуливать на свободе? Ей было четырнадцать, когда ее избили во время Кристаллнхт. В Освенциме она выжила только потому, что стала забавой, личной игрушкой какого-то офицера. После

³ Паук (нем.).

освобождения попала в руки советских солдат, и трое суток ее насиловали. И после всего этого она закрыла бы глаза на Мейербера? Да вы бредите!

Хенсон поежился, слушая подробности из биографии Розы Горен. Тщательно взвешивая слова, он возразил:

– Нам кажется, что она просто хотела вас уберечь...

Эсфирь замерла.

– Как вы думаете, во что превратилась бы жизнь дочери Мейербера в Израиле? – продолжал Хенсон. – Сохранили бы вы сами такую тайну ради собственного ребенка? В смысле, если бы у вас был ребенок...

Эсфирь вновь молча отвернулась к окну и оперлась рукой о спинку стула.

– Нет, – ответила она наконец. – Нет, и еще раз нет. Я бы сообщила куда следует. Про родного отца. Я не такая, как мать, – она сильнее меня. Была сильнее.

Долгая пауза. В голове все кружилось и летело кувырком. Затем в тишине понемногу начал проявляться привычный шум больницы. Дежурная медсестра вызывает врача... В коридоре поскрипывает чье-то инвалидное кресло...

Хенсон осторожно подал голос:

– Думаю, вы недооцениваете свои силы. Вспомните, вы вышли против мужчины с пистолетом, имея в руках только баллончик с краской и отвертку.

– Ага. Как странно, что он улизнул. По всем правилам, я должна была его уложить.

Хенсон прямо взглянул в ее широко распахнутые темные глаза.

– Мне кажется... поправьте, если я ошибаюсь... мне кажется, вам хочется узнать правду о своем отце. Какой бы она ни оказалась.

– Мне надо к четверем в аэропорт, – тоскливо сказала Эсфирь.

– Самолеты «Эль-Аль» летают каждый день, – ответил Хенсон. – В конце концов, мир не так уж велик.

Глава 3

«ОНА»

Полторы недели минуло с того дня, как Эсфирь впервые поднялась на веранду дома напротив стадиона «Ригли-Филд». Хенсон сорвал бумажную полоску, которой была опечатана дверь, отпер замок и шагнул назад, поджидая, пока Эсфирь не зайдет внутрь первой. Та на миг замерла в нерешительности, затем ступила через порог и остановилась в прихожей, прислушиваясь к странной тишине опустевшего жилища. В воздухе стоял неприятный тяжелый запах, напоминающий паленую шерсть. Не покидая прихожей, Эсфирь заглянула на ведущую наверх лестницу. Солнечные лучи, бьющие через маленькое окошко над площадкой второго этажа, нарисовали на выцветших обоях нечто вроде треугольного многоцветного герба. Пошатнувшись, девушка на миг зажмурила глаза.

– Что с вами? – беспокоился Хенсон, придерживая ее за локоть.

– Кажется, дело было куда жарче, чем мне помнилось, – со вздохом сказала она, увидев гостиную.

– Ого! – в свою очередь удивился Хенсон, проследив за ее взглядом. – Это что-то новенькое. Не иначе двуногие крысы наведались?

Деликатно подвинув Эсфирь себе за спину, он мягко ступил в комнату. Кто-то тщательно и систематически перевернул здесь все вверх ногами. Старый диванчик и кресло Мейера опрокинуты, подушки вспороты и вывернуты наизнанку, фотографии сорваны со стен, их рамки разломаны на части... Из перевернутых тумбочек все ящики вытащены и раскиданы перед батареей... Досталось даже оконным занавескам.

Хенсон пригнулся и, задрав правую штанину, извлек пистолет из потайной кобуры.

– Стойте у двери. На любой шум немедленно бегите на улицу и жмите «звездочку», потом «один». – И с этими словами он протянул ей свой мобильник.

Эсфирь с интересом понаблюдала, как он скользит вдоль стены, кидает взгляд на ведущие в подвал ступеньки и перемещается в глубь гостиной. «Я ему сто очков вперед дам», – подумала она и шагнула назад, чтобы не светиться мишенью в дверном проеме. Болезненный туман, еще цеплявшийся за ее сознание, стряхнуло в один миг, словно кто-то повернул выключатель. Все чувства настороже, готовы отреагировать на любой шорох в этом стареньком доме. Дубовые половицы скрипят и потрескивают, как старческие суставы. Должно быть, это Хенсон обходит другие комнаты. Впрочем, никаких иных звуков, выдающих присутствие человека, не слышно.

– На кухне та же картина, – доносится быстрый шепот. –

Полный разгром.

Хенсон возвращается и, вскинув пистолет повыше, поднимается по лестнице на второй этаж.

Над головой звуки шагов, в такт пульсу ноют раны. Проходит еще несколько минут, и Хенсон появляется на верхней площадке. Пистолет болтается у бедра в разочарованно повисшей руке.

– Там тоже?

– А-а, да... Ваш знакомый явно не дурак.

Эсфирь опустила глаза и, будто впервые увидев, уставилась на свои пальцы. Почему они так дрожат?

– Откуда вы знаете, что это он?

– Неужели это похоже на работу шайки вандалов? Верно, Хенсон прав. Вещи разломаны или сорваны с мест, но отнюдь не в вихре слепого буйства. Не пропущено ни одного места, где можно устроить тайник. Подушки вспороты, однако каминные принадлежности оставлены в покое, аккуратно стоят на подставке. А ведь хулиганы с удовольствием взяли бы в руки по кочерге, чтобы хорошенько пройтись по комнате. Вазы разбиты, зато на стенах нет и следа от бессмысленных, случайных ударов.

– Вы полагаете, он нашел то, что хотел?

– А вы разве сомневаетесь? – отозвался Хенсон.

Эсфирь шагнула ближе.

– Может, это вовсе не он. Может, это какая-то банда. Скажем, их привлекла опечатанная дверь.

– Да нет же, это тот самый тип.

– Вы что, его знаете?

– Да как вам сказать... В общем, один здоровенный дядька интересовался вашей операционной.

– Что?! Он меня выслеживал?

Хенсон не отвел взгляда.

– В смысле, чтобы добить? Не исключено. Впрочем, он мог решить, что «она» у вас. Хм-м... Короче, что-то его спугнуло. В крупных больницах, типа той, где вы лежали, неплохо поставлена служба охраны. А то, знаете, есть такие киллеры, без году неделя... Так и норвят просочиться, чтобы устранить свои же «недоделки»... Словом, когда кто-то начинает задавать вопросы о пациентах, дежурный пост тут же берет его на заметку. Они хотели выяснить, что к чему, но он сразу удрал. На видеопленке изображение размыто, однако его приметы и описание есть. Вполне подходит под вашего знакомого.

– Как вы думаете, когда он здесь орудовал?

Хенсон пожал плечами. Эсфирь нагнулась, провела пальцем по днищу перевернутого телефонного столика и продемонстрировала результат.

– Никакой пыли с тех пор, как его опрокинули. Значит, максимум сутки. Вероятно, прошлой ночью.

– Что ж, давайте поглядим, не упустил ли он чего-нибудь.

Она кивнула.

– Что ищем?

– «Ее», – напомнил Хенсон. – «Ее» мы ищем. Как красноречиво выразился штандартенфюрер Шток, «где она?!». Не припомните, они больше ничего не говорили?

– Вы считаете, я над этим не думала? Сутками напролет?

Хенсон только кивнул в ответ. Придерживаясь за поручень лестницы, Эсфирь запрокинула голову и посмотрела на тусклую лампочку в прихожей. «Стариковская экономия, – пришло ей в голову. – Пару центов здесь, пару центов там...» Хенсон мягко коснулся ее руки.

– Может, присядете?

Она отдернула локоть.

– За меня не беспокойтесь. С чего начнем?

– Пойдем снизу вверх. А хотите, наоборот.

Она попробовала было просчитать, при каком варианте ей дольше всего не надо будет появляться в гостиной, но потом все же собралась с духом.

– В первую очередь – самое трудное, – сказала девушка и развернулась лицом к комнате.

Хенсон отдернул шторы. Возле камина – темная, давно подсохшая лужа, откуда тянулся дугообразный след, ведущий к откинутому с пола ковру. Да, она помнила, как поскользнулась в отцовской крови. Девушка отвернулась, и тут ей в глаза бросились бурые брызги на ручке кресла.

Шток сначала прострелил Мейеру колено. Говорят, это самая болезненная рана, которую только может причинить пуля. Возможно, полковник действительно был не прочь

превратить старика в инвалида, но, скорее всего, он просто хотел развязать ему язык. И в этот момент ворвалась Эсфирь. Сбив девушку в подпол, Шток выстрелил ей вслед три раза. Первая пуля просто чиркнула по ребру и расплющилась о бетонную стяжку. Вторая пробила левую грудь у основания и вышла, вырвав кусок мяса чуть ниже подмышки. («Можете считать это просто глубоким порезом», – так сказал ей хирург, зашивая зияющую прореху.) Третья же пуля едва не задела легкое, однако развернулась вверх и, не причинив сколько-нибудь серьезных повреждений, засела прямо за ключицей. Врачи выдвинули гипотезу, что пуля, вероятно, столкнулась с пластиковой пряжкой на бретельке лифчика, если эта пряжка вошла в рану так глубоко, что хирурги ее заметили в самый последний момент. Впрочем, после изучения рентгенограмм их больше стала волновать шишка на голове от удара о бетонный пол, нежели огнестрельные раны пациентки. «Стрельба – все равно что риэлторский бизнес, – любил говаривать ее инструктор по огневой подготовке. – Все дело в том, чтобы удачно попасть в правильную точку».

Пока чикагская полиция возилась с решеткой на парадном крыльце, Шток «успокоил» Мейера двумя выстрелами в лицо и бежал через черный ход. Если бы не подростки, игравшие неподалеку в соке и обратившие внимание на пальбу, Шток вполне мог спуститься в подвал, проверить девушку и, выяснив, что она просто потеряла сознание, добить ее. После чего вернуться к Мейеру и под пытками выжать из

него сведения про ту самую таинственную вещицу.

Опасливо переступая через засохшие потеки крови, Хенсон проверил все распоротые диванные подушки, он по очереди мял их и прощупывал. Затем, поставив диван обратно на ножки, пошарил во всех его щелях, откуда извлек кусок газеты, начатый кроссворд, кое-какую мелочь и красную расческу с надписью «Пеп Бойс». Эсфирь тем временем крутила в руках керамическую фигурку молочницы, которую, должно быть, смахнули с серванта или кофейного столика. Статуэтка, как выяснилось, потеряла свое голубенькое ведерко. Из пары подсвечников, которыми обычно украшают каминную полку, на месте остался только один. Впрочем, металл на поверку оказался дешевеньким, напоминавшим свинец с каким-то серебристым покрытием. Ничего ценного. В углублении на дне тоже пусто.

Кое-какие вещи были брошены возле батареи парового отопления: обгрызенная пепельница с небоскребом, книжечка льготных купонов для супермаркета и менора – солидная штукovina, вовсе не из дутой бронзы, хотя один стебель недавно погнут. В месте изгиба образовалась трещина, обнажив чистый металлический излом. Никаких тайных отделений или секретных ящичков не нашлось, хотя на основании Эсфирь различила клеймо и выгравированную надпись – «Штайниц, Ним».

Она уже собиралась отложить ее в сторону, как в голове пронеслась мысль: «Менора. С юга Франции». Уж не очеред-

ное ли доказательство, что Мейер в действительности был Мейербером? Мог ли он оказаться настолько хладнокровным, что держал у себя менору, отнятую у одной из своих жертв? Психопаты, к примеру, частенько хранят трофеи и сувениры, напоминающие об их «подвигах». Скажем, он мог иногда поглядывать на нее, гладить и ностальгировать о том времени, когда обладал властью над людьми, мог избить кого угодно или отправить на верную смерть. Словно издеваясь, эта менора свидетельствовала о его якобы свойстве, попутно прикрывая истинное лицо предателя. Своего рода извращенная шутка, если он на самом деле Мейербер. А если он был просто Сэмюелем Мейером, беженцем, то менора могла просто служить символом его веры. Эсфирь отставила священный подсвечник на подоконник, пообещав себе, что захватит его с собой.

Хенсон тем временем пролистывал журналы, оказавшиеся под опрокинутым телевизором.

– «Доктор Элайджа Уинстон», «Чарльз Голдман, доктор медицины». – Он взглянул на Эсфирь. – Так, так. Мейер потихоньку таскал журналы из офисов частнопрактикующих врачей. Может, они смогут рассказать о нем побольше?

Девушка чуть было не бросилась на защиту доброго имени отца, но тут же спохватилась. В самом деле, зачем? Кем он был, ее отец? Так ничего и не ответив, она просто нагнулась, чтобы получше разглядеть валявшееся на полу групповое фото. Стекло разбито, рамка разломана. Она осмот-

рела стены, отыскивая то место, где раньше висел этот снимок, затем нагнулась вновь и осторожно вынула стеклянные осколки.

– «Чикаго Кабс 1929», – прочитала она. – «Национальная лига чемпионов».

– Давненько я не слышал, чтобы они были хоть какими-то чемпионами, – отозвался Хенсон, светя крошечным фонариком внутрь задней стенки телевизора.

– Карл Драйвер Кинг, – принялась она перечислять. – Спайдер Вудспрайт. Эрнст Браун.

– Да уж, колоритные имена носили бейсболисты в те годы, – заметил Хенсон. Он тоже поднял с пола разбитую рамку, на этот раз с гравюрой, изображавшей утят в камышовых зарослях. – Старый добрый бейсбол. Сочные клички. «Лис». «Паук». «Кочерыжка».

На тыльной стороне фотографии можно было видеть столбик из пары дюжин номеров, записанных неровным почерком. В каждой строчке по три, а иногда и четыре буквы, после которых следовали три цифры.

– Что вы об этом думаете? – спросила девушка. Хенсон бросил взгляд на записи.

– Рейтинги-то? Обычное дело.

– Рейтинги?

– Результативность биттера в бейсболе, – пояснил он, показывая на один из номеров. – Один двенадцать. Слабовато будет. Хм-м. «Пять – семнадцать»?

– Здесь буковка «п» в начале. И еще в двух местах.

– А! Это, скорее всего, рейтинг питчера по серии иннингов. «П» как раз и значит «питчер». А у биттера «пять – семнадцать» быть не может по определению. Впрочем, так себе результатик. Держу пари, этого парня потом на кого-то обменяли.

– А вам не кажется, что это может быть какой-то шифр? Банковский счет или что-то подобное?

Эсфирь погладила лицевую и тыльную сторону фотографии, чтобы проверить на ощупь, не вложено ли что-нибудь между снимком и картонной подложкой.

– Если хотите, оставьте ее себе, – предложил Хенсон, – хотя лично мне это кажется обычной статистикой. Бейсбольные фанаты всю жизнь сходят с ума от статистики. А номерки мы потом проверим.

Хенсона, похоже, гораздо больше интересовала поднятая с пола гравюра. Прищуривав глаз, он разглядывал изображение камышей.

– Вам никогда не встречались рисунки Эла Хиршвелда? Он в каждой своей работе прятал имя жены... Или дочери? В общем, некая Нина.

Девушка кивнула, хотя и не поняла, о чем он толкует. Она положила снимок с командой «Чикаго Кабс» на батарею, а сверху накрыла менорой.

– Он разбил все, что только можно разбить.

– Вообще-то, вы могли бы и продать кое-какие вещи.

– Я? Черта с два! Да будь они хоть с иголки, все равно не стану марать руки!

Она с такой яростью все это выпалила, что Хенсон даже вздрогнул. Эсфирь пару секунд мрачно разглядывала плитус, потом нагнулась и из-под батареи вытащила пыльную мышеловку с кусочком давно засохшей приманки. Да, теперь все принадлежит ей. Вот что хотел ей дать Сэмюель Мейер. Наследство из дешевой мебели. Заскорузлого сыра. Наследство из предательства.

Девушке вспомнилось, как часто мать говорила ей, зло прищурив глаза, что худший из людей тот, кто предаёт своих. Такое обобщение в действительности относилось по большей части к Мейеру, однако до сих пор ей казалось, что Роза подразумевала предательство жены и дочери. А теперь? Неужели матери было известно истинное лицо Сэмюеля Мейера? У нее не хватило сил сообщить об этом властям? Или она молчала ради дочери?

– Пойду посмотрю в задней части дома, – сказала Эсфирь.

– Нос только зажмите, – отозвался Хенсон и пошел вслед за ней.

Кухня оказалась столь же спартанской и унылой, как гостиная. С гнилой вонью от раскиданного мусора и оттаявших готовых обедов соединился едкий запах уцененного мыла. Судя по всему, банки из-под майонеза Мейер приспособил для хранения продуктов. Сахар, мука... Теперь все было высыпано на пол. А может, одну такую баночку он зарыл

на заднем дворе? Не исключено. Мешок с мусором, выставленный возле двери, выглядел так, будто угодил в лапы сенбернару. Среди объедков валялось полдюжину консервных банок, причем в трех из них когда-то была свинина с бобами. («Ага, Мейер не очень-то жаловал кошерную пищу», – отметила про себя Эсфирь.) Бутылка из-под сливового сока. Старые газеты.

Кухонный шкаф столь же радовал глаз, как и мусор, хотя коробки и банки с продуктами по большей части остались целыми. Сельдь в винном соусе. Узенькие пачки макарон с сыром. Консервированные спагетти. Сухие супы с лапшой, в основном с мясным вкусом. На столике возле плиты – таблетки против гастрита, несколько видов слабительного и пузырек с рецептурными таблетками. Надпись гласила: «Эм-Эс Конт, болеутоляющее».

Хенсон тем временем проверял морозилку в древнем, еще овальной формы, холодильнике, вилка которого была выдернута из сети.

– Что это? – спросила Эсфирь, взяв пузырек с таблетками.

– Морфин, – ответил Хенсон. – Так, понятно... Получается, в дом вторглись вовсе не наркоманы, верно? Молодцом.

– Мне это и в голову не пришло, – сказала девушка, – но вы правы.

(«А насколько сильное это средство? Какую боль он испытывал?»))

Пока она разглядывала наклейку, Хенсон по выражению

лица понял ход ее мыслей.

– Да, дела у него были совсем неважные, – добавил он сочувственно.

– По крайней мере, об этом он не врал.

– Не врал, – согласился Хенсон и отогнул край газеты, прикрывавшей кусок посеревшего мяса. – По всем органам. Не врал...

Эсфирь пошарила глазами под раковиной и обнаружила там алюминиевые кастрюли. Из-под стопки выглядывала сковородка со следами пригоревшего сыра. Девушка выпрямилась и еще раз оглядела кухню.

– Ошибочка, – сказала она. – Мужчина не стал бы прятать нечто важное на кухне. Женщина – другое дело. Но не мужчина.

– Ваш отец прожил в одиночестве более тридцати лет.

– Я, пожалуй, загляну в подвал.

– Ради бога.

Эсфирь вернулась к двери, открыла ее и посмотрела вниз. Вот в этом месте она лежала, пока в нее три раза стрелял Шток. Да уж, повезло. Тусклое освещение, игроки в соке по соседству, и струйки крови на груди, куда попала одна из пуль. Должно быть, со стороны все выглядело, будто рана смертельная, прямо в сердце. А от удара головой о бетонный пол она потеряла сознание и даже не шевельнулась. Поза тоже удачная вышла, на боку. Если бы она упала навзничь, то пуля точно нашла бы сердце.

Девушка устало потеряла лицо. Чем она занята? Почему вновь копается в воспоминаниях о пережитом кошмаре? Ответ пришел сразу. Она в точности следует заведенной в «Мосаде» практике «разбора полетов» после каждого инцидента. На уровне автоматизма. Для оценки успеха или провала миссии рассматривалась и анализировалась каждая деталь. Например, почему оружие не найдено в том месте, на которое указывал осведомитель? Каким образом соседский мальчишка очутился на линии огня? Как вышло, что секретная полиция вообще узнала о канале передачи денег?.. Впрочем, на этот раз имелось одно, но весьма существенное отличие: в роли мишени выступала сама Эсфирь. Хотя нет, не будем себе льстить. Мишенью был Мейер. А Эсфирь... Так, досадная помеха, не более. Шток не отстал бы от Мейера, пока не получил бы нужных сведений. Или не убил бы его. Это означало, что, какую бы цель ни преследовал Шток, ответ прятался у Мейера в голове и что смерть старика, возможно, означала ликвидацию некоей проблемы. С другой стороны, Шток явно чего-то добивался. Должно быть, он взвесил все «за» и «против» той ситуации, когда Мейер остается в живых, а искомая вещь не найдена. Возможно, что Шток просто запаниковал, однако есть еще одна версия: он решил, что сможет добиться своей цели позднее, и, стало быть, это объясняет причину вторжения в дом. Нет ли здесь связи? Может, Шток охотится за той самой вещью, о которой по телефону говорил Мейер? И смог ли он ее найти?

Пульс участился, и Эсфирь почувствовала, как еще сильнее заныли раны. В голове вновь промелькнула картинка: с окровавленной головой она лежит у основания лестницы, тщетно пытаясь не потерять сознание и разглядеть темный силуэт, целящийся из пистолета.

Шток не решился спуститься вниз. Он не осмелился оставить Мейера одного, пусть даже выстрел в колено лишил старика движения. Получается, пусть косвенно, но отец спас ей жизнь?

Эсфирь скрипнула зубами. Черт бы его побрал! Она ничего не хотела от Сэмюэля Мейера. Ничего. Даже своей жизни. Однако, к сожалению, ее никто не спрашивал. Отец подарил ей жизнь, потом бежал, а затем, десятилетия спустя, спас ее. Может быть.

Девушка крепче ухватилась за перила и медленно спустилась по лестнице. Внизу она перешагнула через пятна собственной крови и нащарила веревочку, ведущую к выключателю. Пыль повсюду: на верстаке с инструментами, на банках с краской, на коробочках для гвоздей и шурупов... На глаза попало несколько кусков кожи. Должно быть, Мейер собирался что-то смастерить. В углу, напоминающая древний танк, висилась печка-водогрейка, переделанная с угля на газ. За ней ничего, кроме все той же пыли и паутины. Судя по всему, Шток не обыскивал подпол, иначе пыль не лежала бы таким ровным слоем. Впрочем, он все-таки вывернул ящик с инструментами и искал под верстаком,

потому как возле ножек остались следы. Что, если та вещь находится здесь, внизу? Эсфирь неторопливо осмотрела все места, куда не добрался Шток, однако в конечном итоге сда-лась и поднялась наверх, где было слышно, как Хенсон бродит по второму этажу.

Спальня поначалу казалась многообещающей, но и в ней осмотр дал лишь один тривиальный результат, а именно, что здесь жил пожилой человек. Из чулана выброшена одежда, которую Мейер не мог носить, наверное, уже несколько лет. В углу шкафа за обвисшим пальто выстроилось полдесятка зонтиков. В вытащенном из комода ящике обнаружилась пара сломанных часов. Девушка пнула стопку поношенно-го нижнего белья. Несколько непарных запонок. Майонезная банка с горсткой центов.

Угол комнаты занимал ворох бумаг, вываленных из письменного стола. Квитанции по зарплате двадцатилетней давности. Бланки налоговых деклараций. Судя по записям, до выхода на пенсию Мейер работал в городском управлении водоснабжения. В марте прошлого года перенес операцию, после чего прошел курс радиационного лечения и химиотерапии. Брошюра, утверждающая, что «есть много путей преодолеть последствия хирургического вмешательства в половую сферу мужчины». Под всеми этими залежами нашлось также несколько купонов для супермаркета и небольшой клочок пожелтевшей бумаги.

– Он писал в редакцию, – сказала Эсфирь, осторожно под-

нимая газетную вырезку.

– Насчет чего? – спросил Хенсон, копаясь в глубине чулана. Наградой за его труды стала стопка зачитанных книжек, все в стиле вестернов.

– Жаловался на осветительные мачты. Они ему мешали спать. Днем и без того шумно, а теперь еще и ночью светло.

– А, на «Ригли-Филд»? Да уже несколько лет прошло. Они держались до конца. Это был последний стадион, который устроил у себя ночное освещение.

– В общем, ему это сильно не нравилось. Пишет, дескать, «дурацкая игра».

– Все игры дурацкие, – заметил Хенсон. – Если задуматься, какой в них смысл?

Эсфирь отыскала еще несколько просроченных купонов и пролистала календарь за 1985 год.

Хенсон пересек комнату и открыл ящик прикроватного столика.

– Смотрите-ка. – Он показал ей пару старых фотографий. На одной с краю стояла пометка: «Июль 1966». Младенец с пухлыми щечками спит, заткнув рот кулачком.

– Вы? – спросил он.

– Одеяльце мое. Мать до сих пор хранит его в чемодане.

– Должно быть, снимок он держал возле кровати.

– Наверное, оставил у себя, когда мать эмигрировала. – Эсфирь быстро сунула фото в карман. – А что на второй?

– Тут женщина.

Эта фотография оказалась намного более старой. Опираясь на локоть Мейера, скромно улыбалась худощавая девушка в перчатках. Он же, одетый в двубортный костюм и с зачесанными назад волосами, просто цвел.

– Ваша матушка?

Эсфирь кивнула. Заглянув в ящик, она увидела в нем еще один снимок. Вновь мать. Роза стояла перед забором из колючей проволоки. Справа – итальянский полицейский, по левую руку еще двое мужчин. Один из них напоминал скелет. Он был настолько истощен, что девушка невольно задавалась вопросом, как вообще он мог стоять на ногах, да еще и улыбаться при этом. Второй мужчина был намного старше, но выглядел куда лучше. Роза тоже улыбалась. Ее черное платье казалось совершенно не к месту. Эсфирь вспомнила, что мать часто упоминала двух итальянцев, которые по доброте душевной подарили ей платье взамен завшивевшей лагерной робы. На оборотной стороне пожелтевшего снимка виднелась надпись, сделанная курсивом, причем по-немецки: «Триест, 17 марта 1946». Эсфирь тоже положила карточку в карман, рядом со своим детским фото.

– А свадебную не хотите взять?

– Себе оставьте, – ответила она.

– Вы знаете, – кашлянув, заметил Хенсон, – такое впечатление, что в доме только эти снимки.

– «Чикаго Кабс», – напомнила Эсфирь.

– Я имел в виду личные фотографии.

– Наверное, «дурацкая игра» для него значила больше, чем мы с матерью.

– Верится с трудом. Может, ваш знакомый паршивец все забрал?

– Какая разница! – взорвалась девушка. – Зря я это все затеяла... Надо было домой лететь.

Хенсон задумчиво посмотрел на нее, но, решив все-таки промолчать, носком ботинка поворошил разбросанные по полу предметы. Центы. Газетные вырезки. Аэрозольные баллончики против насморка. Морфин. Оранжевые таблетки без маркировки. Зажим для бумажных денег с семью долларовыми купюрами.

– С обратной стороны ящиков нет следов от клейкой ленты, – заметил он, – так что если он и прятал что-нибудь, то не таким способом.

Среди пачки купонов и квитанций Эсфирь заметила надпись на иврите. Израильская марка на крошечном конверте. На обороте она увидела, что он был отправлен матерью в 1973 году. Дрожащими пальцами она извлекла письмо.

– Что это? – спросил Хенсон.

Девушка ничего не ответила. Присев на краешек постели, она прочитала короткое послание:

«Больше не пиши. И не пытайся искать встречи ни со мной, ни с моей дочерью. Пойми, что я больше не могу тебя видеть. Слишком много воспоминаний. Ты

говоришь, что любишь нас. Вот и дай Эсфири шанс жить своей жизнью. Все, что ты можешь, это только причинить ей боль. Если тебе все равно, что будет со мной, тогда хотя бы подумай о ней».

Роза даже не поставила подпись.

«Все, что ты можешь, это только причинить ей боль».

Глава 4

ЧЕРДАК

– Все в порядке? – спросил Хенсон, глядя сверху вниз и пытаясь понять, что же так расстроило Эсфирь.

Девушка быстро спрятала листок в кармане.

– Мы в тупике, – резко ответила она. – Что вы вообще собираетесь тут найти?

Хенсон опять одарил ее долгим взглядом, словно раздумывая, стоит ли спросить насчет конверта и письма. Когда же он решился-таки заговорить, то слова прозвучали осторожно.

– Кто знает, – начал он. – Ведь тип по имени Шток искал нечто эдакое...

Он присел на корточки рядом и коснулся тыльной стороны ее кисти.

– Послушайте, если вам трудно...

Она отдернула руку и вскочила на ноги.

– Это мой отец! Родной отец! Я тут стою, как дура, смотрю на всю эту ерунду, всякую мелочь из его жизни – и не вижу ничего! Ничего! Кем он был? Кем?!

Она выхватила письмо из кармана и швырнула ему в лицо. Внезапно в ее груди словно образовался огромный пузырь рыданий, который все ширился и рос, пока наконец не

прорвался сквозь перехваченное горло, пролившись слезами. Она закрыла лицо руками и бросилась в коридор. Хенсон двинулся было за ней, но стоило ему положить ладонь ей на плечо, как девушка принялась отбиваться. Хенсон бросил беспомощный взгляд на валявшееся на полу письмо, затем отступил на шаг.

– Не сердитесь. Мы еще все выясним. Никто же не уверен на сто процентов, что он был Мейербером.

– Ой, да хватит! – крикнула она. – Вы же сами так думаете! Вы просто ищете доказательства!

Хенсон не нашелся что ответить.

Эсфирь ухватилась за перила лестницы и взяла себя в руки. Раны разыгрались не на шутку. Впрочем, она была только рада этому: боль не давала все время думать про отца.

– Может, вам лучше подождать на улице? – предложил Хенсон.

– Осталась еще одна комната, – мрачно ответила Эсфирь и пошла по коридору.

Хенсон проследил за ней взглядом. Вторая спальня оказалась столь же пыльной, как и подвал. Стены не знали свежей краски уже много лет. В низенькой тумбочке белого цвета не оказалось ничего, кроме мотка проволоки. У двери валялась перевернутая картонная коробка, служившая, видимо, местом хранения одежды, ворох которой лежал рядом. В углу под толстым слоем пыли находилась еще одна большая коробка, и когда Эсфирь приподняла ее, то сначала по-

думала, что нашла какую-то деревянную клетку. Сообразив через секунду, что на нее смотрит миниатюрная кроватка, девушке стало ясно, чем была эта комнатка. Это ее детская. Несмотря на то что Эсфирь прожила здесь менее года, Мейер все равно три с лишним десятилетия хранил у себя ее младенческую мебель. Если бы не слезы несколькими минутами раньше, сейчас она бы уж точно разрыдалась. Но теперь внутри все словно онемело. Эсфирь взглянула на заляпанный потолок, пустую тумбочку и распахнутый стеной шкаф, совершенно пустой, если не считать пару-другую проволочных вешалок. Неужели это действительно была ее комната? И если да, то разве не должна она хоть что-то припомнить, пусть даже самую малость?

«Все, что ты можешь, это только причинить ей боль».

– Подвижки есть? – В дверном проеме появился Хенсон.

Она покачала головой.

– Остается только чердак. Я и сам мог бы справиться...

– Нет уж, – сказала она. – Я тоже пойду.

Хенсон распахнул низенькую дверцу, и глазам предстала узкая, крутая лестница из деревянных ступенек. Он повернул старомодный, еще бакелитовый выключатель, и над ними загорелась желтоватая лампочка. Светлый оттенок дерева напомнил девушке древние лестницы Иерусалима, что еще остались в Старом городе.

Голые балки на чердаке создавали впечатление, будто они попали в чрево какого-то зверя. Грубо обтесанные доски

устилали только часть пола. Дальше между стропилами зияли пустоты, прикрытые потолочной дранкой расположенных ниже комнат.

– Коробки какие-то, – заметил Хенсон. Их оказалось только три, все открыты и перевернуты.

– Сплошная пыль, – сказала Эсфирь, разглядывая паутину на решетке слухового окна, приходившегося на уровне бровей. – Должно быть, он редко сюда поднимался.

Хенсон тем временем едва не раздавил какой-то тазик.

– Э-э, да у него крыша течет, – сказал он, щуря глаза на древний и, конечно, неработающий светильник, подвешенный к кровельному скату.

Провода, изолированные матерчатой оплеткой и удерживаемые на месте керамическими бобышками, шли по стропилам через весь чердак.

– Не вздумайте трогать, – предупредила Эсфирь.

– Да ну, их сто лет как отключили, – сказал Хенсон и в доказательство ткнул пальцем влево. Там, свисая с одной из жил, покачивался закрытый зонтик.

– Ничего я здесь не вижу, – продолжил он, дойдя до последней половицы и осторожно переступив на не-обшитые балки, ведущие к слуховому окну. – Ого, у него тут летучие мыши жили...

Эсфирь присела на корточки, желая покопаться в ворохе вещей, вываленных из опрокинутой коробки. Так, несколько простеньких женских платьев. Она подтащила другой ящик

поближе к свету и обнаружила в нем десятки магнитофонных бобин. На коробочках написаны чьи-то имена.

– Когда-нибудь слышали такое имя, Рейнхард? – спросила она.

Хенсон остановился, пожал плечами и, выпрямившись, ударился головой о кровлю.

– Тьфу ты, черт!

– Поосторожней там, – посоветовала она. – Как насчет Биксби... нет, Бикс Бейдербек?

– Немцы? – спросил Хенсон. – Чьи-то записи, наверное. Вы видели внизу магнитофон?

– Да нет, только радио на кухне и телевизор в гостиной.

– Что ж, придется взять с собой.

Он повернулся к девушке, все еще потирая ушибленный лоб. Затем, неуклюже переступая по узенькой балке, пошел назад из темноты.

– Текс Бенек, – прочитала вслух Эсфирь. – Джимми Лансфорд. Это что за немцы с такими именами, Текс и Джимми?

– А! – сообразил Хенсон. – Это же ребята из «Биг Бенда»! Джанго Рейнхард. Еще мой отец... – Тут он едва не оступился, но, отчаянно взмахнув руками, сумел-таки остаться на ногах.

Затем, дотянувшись до электропроводки, снял с нее висевший зонтик, чтобы с его помощью удерживать равновесие, как акробат на проволоке.

Только девушка хотела заметить, что ему повезло не по-

лучить удар током, как Хенсон перепрыгнул на доски настила и приветственно помахал зонтиком.

– Что такое? – тут же сказал он недоуменно и заторопился поближе к свету.

Теперь Эсфирь тоже могла видеть, что его так заинтриговало. Внутри, вокруг стержня была обмотана какая-то коричневая бумага. Хенсон отогнул кусочек и увидел под ним еще какую-то бумагу, на этот раз очень толстую. Хотя нет, это холстина, плотная и жесткая.

– Ага! – воскликнул он и принялся торопливо вытаскивать находку. Мешала зонтичная ручка. Промучившись полминуты, Хенсон наконец отломил ее, а затем вытряхнул рулон на пол.

– Что это? – спросила Эсфирь.

Хенсон упал на колени, с наслаждением подтянул рукава повыше и принялся не спеша разворачивать холст. Глазам предстала характерная масляная поверхность, рыжевато-желтые пряди... Мужской портрет?

Когда рулон оказался развернут полностью, Хенсон плюхнулся задом на пол.

– Чтоб мне провалиться, – тихо сказал он. – Нет, чтоб мне провалиться...

– Картина? – спросила Эсфирь. – Это картина, да?

– Если я не ослеп окончательно, – раздалось в ответ, – это Ван Гог...

Девушка прекрасно разобрала слова, но, убей бог, не мог-

ла взять в толк, что бы это значило.

Она еще подыскивала правильный вопрос, который помог бы выяснить смысл происходящего, как внизу раздался сильный хлопок, а вслед за ним ухнул раскатистый гром. Весь чердак словно приподняло дюйма на два и тут же бросило вниз, как самолет в воздушную яму. Из-под ног неожиданно выбило пол. Хенсон опрокинулся на спину и замахал конечностями, напоминая перевернутого жука. Эсфирь же швырнуло ничком, она ловко приземлилась на руки и сразу подумала про рану на голове.

– Что за шутки! – воскликнул Хенсон.

Эсфирь же отлично разобралась в характере взрыва:

– Какой идиот открыл газ?!

Хенсон лихорадочно вскарабкался на ноги и ошарашенно уставился на пол.

– Пошли! – скомандовал он мигом позже. Сбежав по лестнице до половины, он вдруг словно споткнулся. – Картина!

Эсфирь заторопилась назад и схватила холст. В воздухе уже явственно пахло дымом.

Хенсон осторожно приоткрыл дверь с чердачной лестницы. С первого этажа валили огненные клубы. Опалая лицо невыносимым жаром, навстречу полицейскому метнулось ревущее пламя, облизывая своим желтым языком коридорные стены. Хенсон едва успел захлопнуть дверь.

Чертыхнувшись, он крикнул:

– Отрезаны! Лестнице каюк!

Долю секунды они смотрели друг на друга. Огонь идет вверх. Он всегда идет вверх.

– Крыша! – выдохнула она. – На крышу есть люк?

– Окно!

Спотыкаясь, они бросились обратно. Из щелей между досками выбивались кудрявые завитки дыма. Хенсон в два прыжка добрался до края настила и, балансируя на манер канатоходца, побежал по балкам до слухового окна.

– Тут решетка! И я не вижу карниза! Может, отвесная стена до самой земли!

– Предпочитаете сгореть?

Хенсон выхватил мобильник и набрал 911, по ходу дела разглядывая крепившие решетку болты.

– Да! – заорал он в трубку. – Пожар! Мы на чердаке!

Озираясь по сторонам, Хенсон пытался найти хоть что-то, чем смог бы справиться с решеткой или болтами. Увлечшись поисками, он едва не свалился с деревянного бруса.

– Не зна... – Он в отчаянии оглянулся на Эсфирь. – Адрес!

Девушка тупо уставилась на него. Она не помнила адреса. Как там говорил отец? «Скажи таксисту...»

– Да не знаю я! – кричал Хенсон. – Напротив стадиона! Да, «Ригли-Филд»! А я-то откуда знаю, Аддисон-стрит или что! Владелец дома – Сэмюель Мейер. Я говорю, Мейер! Да! Нет! Мы заперты на чердаке!

Здесь он потерял-таки равновесие и одной ногой ступил

на потолочную дранку.

– Осторожно! – воскликнула Эсфирь. – Вы же провалитесь!

– Давайте быстрее!

Сунув мобильник в карман, он обернулся к ней. На лице явственно читалась мысль: «Спасайся, кто может...»

Девушка тем временем копалась в памяти. Добравшись в тот первый раз из аэропорта, она так переживала, что почти не обратила внимания, как выглядит дом снаружи. Кажется, крыша не очень крутая, напоминает мансарду. Можно ли на нее вскарабкаться? А нет ли там каких-то украшений, чтобы за них уцепиться?

– Решетка! Стальная решетка! Против грабителей! – сообразила она. – Значит, на крышу есть какой-то доступ извне!

Эсфирь шагнула к лестнице и увидела, что внизу, на двери, уже коробится и идет пузырями краска. Ничего себе пожарчик! С момента взрыва прошла едва ли минута!

Хенсон тем временем сражался с одним болтом решетки, пытаясь отвернуть его голый рукой, потом вцепился в него зубами.

– Инструменты! Хоть что-нибудь! – промычал он.

Девушка прыжками носилась из одного угла чердака в другой, отчаянно вороша барахло, вываленное из перевернутых коробок. Платья? Бобины с лентами? Картина? Неужели нет ничего прочного, жесткого? Она упала на коле-

ни и попробовала отодрать одну из половиц. От потолочной дранки явно тянуло теплом. Воздух помутнел и превратился в туман. Она дернула из последних сил, и доска наконец уступила.

Довольно короткая, фута три в длину.

Бесполезно!

Эсфирь взглянула на Хенсона, и тут ей в голову пришла совершенно посторонняя мысль: «Кто теперь будет навещать мою мать?»

Придя в себя через секунду, она увидела, что Хенсон успел локтем разбить стекло и теперь орал через решетку на улицу:

– На помощь! Пожар! Нас отрезало!

– Бей! – закричала Эсфирь. – Ногами бей!

Хенсон ухватился за балку и, откачнувшись в прыжке, обеими ногами врезал по решетке. Такое впечатление, что перед ним кирпичная стена. Он попытался еще, на этот раз гораздо сильнее. Решетка не сдвинулась, но...

– Рама! – крикнул он. – Кажется, рама треснула!

Эсфирь подумала было, что это, скорее, его лодыжка треснула, а не рама, однако, судя по свирепым усилиям Хенсона, что-то действительно начало поддаваться. Глаза сильно жгло, и непрерывно катились слезы. Старенькая дранка под ногами дымилась уже по всей площади. Еще немного – и пол займется пламенем.

– Назад! – крикнула она, махнув рукой.

Хенсон ударил еще раз, но решетка упорно держалась. Он обернул к девушке посеревшее, перемазанное пылью и мокрое от пота лицо.

– Назад, я сказала!

Он отскочил в сторону и ухватился за подпирающий кровлю брус.

Выпрямившись на краю настила, Эсфирь смотрела на балку, проложенную прямо к слуховому окну. Соберись с силами. Второго шанса не будет. Надо настроиться, представить в уме. Нет-нет, надо поверить и увидеть, как это произойдет. И тогда – может быть – все получится. Дом старый, значит, балка шире, чем принято нынче. Да нет же, сказала она себе. Она широченная, как дорога. Целых два дюйма!

Уверенность! Только уверенность, внушала она себе. Глубоко вдохни. Это всего лишь обычный гимнастический брус. Ерунда.

Она настроилась. Стряхнула напряжение из кистей рук. И ринулась вперед.

Прыжок. Второй. Третий! Как по струнке, резиновые подошвы кроссовок четко и сочно ложатся на брус. На четвертом прыжке ее толчковая нога распрямляется стальной пружиной и бросает девушку в воздух. Ягодицы напряжены, бедро разворачивается на боковой удар влет, чтобы вложить в мишень всю инерцию тела, всю силу ее мышц.

Она настолько переполнена адреналином, что даже не чувствует удара о решетку. Слышен резкий звук, будто от

выстрела. Переломилась берцовая кость? Нет, это сдалось препятствие. Обе ноги вылетают на улицу через окно и на долю секунды возникает ощущение падения. Отчаянно взмахнув руками, девушка едва-едва успевает вцепиться в раму.

Ребра с размаху ударяются о нижнюю часть оконного переплета, и из легких с шумом выбивает воздух. Ноги лихорадочно царапают кровлю. Не на что опереться, не получается встать...

– Эсфирь! – кричит Хенсон.

Трещит и выворачивается рама, за которую она держится.

Хенсон прыгает к девушке. Непонятно как изловчившись, та подтягивается и обеими руками хватается за кровельный брус. Кроссовки елозят и беспомощно скользят по отвесно уложенной черепице. Вися над пышущей жаром потолочной дранкой, она самой себе напоминает козленка на вертеле.

Циркулем расставив ноги на соседних балках, Хенсон тянет девушку на себя. Он кричит:

– Выбила! Выбила!

– Да уж, сама чуть не вылетела, – слышится в ответ.

Не сломаны ли ребра? Решив проверить на ощупь, Эсфирь опускает руку, но Хенсон в этот момент дергает ее за подмышки и глазам предстает переломленная пополам нижняя часть оконной рамы. Крепежные болты вывернуты с мясом, и решетку снесло, она упала вниз на дорогу. Почувствовав острую боль, девушка прикоснулась к груди и увидела, как из надорванных стежков раны сочится кровь.

– Туда! – закричал Хенсон. – Туда, наружу!

– Там ногу поставить негде, – отозвалась она, по плечи высунувшись на улицу и лоя прохладу лицом. На улице перед домом масса всяческого мусора: осколки оконных стекол, бумага, крошечная менора, найденные в гостиной журналы... Все вынесло взрывом. Рядом толпятся люди, показывают пальцами на крышу. С каждой секундой звук сирен становится громче и ближе.

Из-под чердачного окна крутым козырьком уходит кровля. Примерно в метре от того места, где минуту назад торчали ее ноги, виден безвкусный орнаментальный бортик из литого чугуна. Удержит ли он? Выхода нет, это их последняя надежда...

Чтобы вылезти из окна ногами вперед, Эсфирь пришлось сначала втянуть голову обратно в жаркий воздух. Придерживаясь за поломанную раму, она осторожно выбралась и, вытянув кончики пальцев ног, приготовилась скользнуть вниз, чтобы встать на краешек кровли. Хенсон же почему-то направился в глубь чердака, балансируя на балках среди клубов дыма.

– Мартин! Какого черта!

Она уже была готова лезть обратно, как он вынырнул из темного облака и, прикрывая галстуком рот и нос, неуверенными шагами двинулся к ней, помахивая при этом свернутым холстом, напоминавшим тамбурмажорский жезл.

«Нет, это же надо», – подумала она.

– Брось его к черту! Брось, говорю!

Хенсон торопился изо всех сил. Вдруг его ботинок соскользнул с бруса и ударил в потолочную дранку. Он дернулся вперед, чтобы не провалиться глубже, и тут из-под ноги вырвался язык пламени.

– Беги! – крикнул он.

Девушка разжала пальцы и соскользнула на неровно уложенную черепицу. Оказавшись на карнизе, она глубоко вздохнула, затем бочком, приставными шажками, двинулась вдоль кромки. В лицо пахнуло жаром от раскаленной изнутри кровли. Воздух, похоже, исчез совсем, и ей на секунду показалось, что она вот-вот потеряет сознание.

Из окна выглянуло лоснящееся от сажи и копоти лицо Хенсона. Вперед себя он высунул рулон с холстом и осторожно бросил его к ногам Эсфири, рядом с бортиком. Затем, ухватившись за балку и перебирая по ней руками на манер ленивца, вылез наружу ногами вперед.

– Я вижу, куда идти! – крикнул он. – Вон там!

Крыша слишком сильно нагрелась, чтобы за нее можно было держаться руками. Огонь приближался с каждой секундой, но, по крайней мере, они уже снаружи.

Сейчас задача вроде бы упростилась. Эсфирь пришлось присесть, чтобы пролезть под выступавшим козырьком и добраться до того места, где Мартин заметил опору для руки – кронштейн, удерживавший старую телевизионную антенну. В принципе, по ней они могли бы забраться на кры-

шу мансарды. Возле ног лежала картина. Девушка взглянула вниз, на асфальт, затем подняла холст и протянула его Хенсону. Торопливо перебирая руками, они поднялись до верхней точки, а оттуда добрались и до противоположной стороны крыши. От соседнего дома их теперь отделяла невысокая кирпичная стенка, через которую они благополучно перелезли. Совсем рядом завывала полицейская сирена, к которой примешивался низкий гул пожарной машины. Стоя возле готовой выдвинуться лестницы, в их сторону показывал коренастый, плотно сбитый пожарный. Служба «911» среагировала быстро, однако не настолько, чтобы вовремя успеть к такому невероятно стремительному пожару.

Лишь после того, как они по крышам ушли еще дальше и там спустились через чердачный люк, Эсфирь позволила себе расслабиться и упасть на разбитые в кровь колени. Ноги казались резиновыми, а кроссовки словно принадлежали другому человеку. За миг до того, как потерять сознание, она заметила, что во время бега по раскаленной черепице дома Мейера подошвы уже начали оплавляться.

Глава 5

СЧАСТЛИВОЕ СОВПАДЕНИЕ

– Но ты считаешь, это подлинник? – упрямылся Хенсон, отставляя чашку.

Дело происходило в Чикагском институте искусства, где Антуан Жолие, приглашенный искусствовед, осматривал картину, вооружившись лупой. Жолие был художав, носил желтый костюм с голубым галстуком-бабочкой, а смуглый оттенок кожи напоминал о его африканских предках. Не вдаваясь в подробности, Хенсон бегло представил его Эсфири как человека, с которым он много работал в прошлом, и девушка шестым чувством поняла, что с дальнейшими расспросами лезть не стоит. Если картина, найденная на чердаке Мейера, действительно окажется работой Ван Гога, Хенсон хотел бы передать ее на временное хранение в Институт искусства, под надежную охрану.

– Мартин, – сказал Антуан, жестикулируя как истинный француз, – если бы ты дал мне Делакруа, или Тернера, или хотя бы Констебла, то я смог бы ответить немедленно. Но Ван Гог! Скажем так, для моей компетенции в нем слишком много модернизма.

Он кинул взгляд в сторону Эсфири, сидевшей у окна и наблюдавшей за потоком машин на улице.

– Да, но ты же эксперт! Дай хотя бы обоснованное предположение.

Антуан отпил чаю и пригладил усики тыльной стороной своей изящной, чуть ли не женской, ладони.

– Должен признаться, она мне действительно напоминает Ван Гога. Стиль. Холст и краска выглядят достаточно старыми. Если это и репродукция, то по меньшей мере очень дорогостоящая. Впрочем, такие вещи встречаются. Имеются также специальные тесты, которые могут дать более точный ответ. К примеру, химический состав пигментов. Характер плетения тканевой основы. И потом, есть такое понятие, как происхождение. Нет ли хоть какого-нибудь упоминания об этой картине до ее обнаружения? Каким образом она оказалась в Чикаго? Не часто, знаете ли, встречаются чердаки, где в зонтиках спрятаны полотна Ван Гога!

– На данный счет у чикагской полиции имеется свое твердое мнение, – сказал Хенсон. – Эта картина проходит вещественным доказательством по делу об убийстве, хотя их эксперты не нашли ничего стоящего по отпечаткам пальцев. Ну, взяли еще пробы растительных волокон, но на этом все. Если на то пошло, в доме – я имею в виду до пожара – они вообще не нашли чужих отпечатков. В смысле, кроме принадлежавших Мейеру и Эсфири. Если же картина не подлинная, то у них есть и другие методы снятия отпечатков, но краска при этом будет повреждена.

– И все же они разрешили привезти полотно сюда?

– В общем, да. После небольшой стычки насчет федеральной юрисдикции и всякого такого прочего.

– Небольшой стычки?! – возмутилась Эсфирь. – Дай им волю, они бы резиновые шланги пустили в ход! Чуть ли не обвинили меня в том, что это я подложила зажигательную бомбу. То есть, пока мне раны зашивали в госпитале!

– Блеф, не бери в голову. Просто хотели добиться от тебя более правдоподобного объяснения. С их точки зрения, конечно, – сказал Хенсон.

– Вот я им и объяснила, – устало ответила она. – Дескать, другого объяснения не дождетесь.

– Нам повезло, что во время взрыва мы были не на кухне, – обратился Хенсон к Жолие. – Осмотреть-то ее мы осмотрели, но устройство было поставлено грамотно. Прямо за кухонной плитой, чтобы подорвать газовую трубу. Представляешь, плита даже частично оплавилась! Сейчас ведут анализ выброшенных на улицу обломков, чтобы установить химсостав заряда.

– Может, он намеревался устранить любого, кто бы стал обыскивать дом? – предположила Эсфирь.

– Может, и так. Или просто хотел его разрушить. Способ подрыва лаборатория еще установит. Тогда мы, наверное, пойдем его мотивы.

Жолие показал на картину.

– Кому взбредет в голову ее уничтожить?

– Мы же не знаем, что они планировали конкретно, – воз-

разил Хенсон.

– Должно быть, на меня охотились, – съязвила Эсфирь.

– Или в доме было еще что-то. Теперь только пепел остался, – сказал Хенсон. – Пожарные говорят, такого жаркого пламени они уже много лет не видели. Очень профессиональная работа.

Жолие продолжал разглядывать картину:

– Если предположения верны и это настоящий Ван Гог, то я не понимаю, зачем сжигать такую вещь.

– А кто говорит, что они точно знали, что картина в доме?

– Словом, вы не можете решить, подлинник это или нет? – сказала Эсфирь, следуя ходу собственных мыслей.

«Откуда у отца такая картина? Это ее он хотел мне отдать?»

»

– Если даже и не Ван Гог, – ответил Жолие, – то подделка на редкость качественная. И на данный момент, мисс Горен, большего я сказать не в состоянии.

Он поставил чашку и, церемонно вышагивая длинными ногами, через всю комнату направился к широкому чертежному столу, где было развернуто загадочное полотно. По углам его прижимали толстые книги по искусствоведению, причем одна из них принадлежала перу самого Жолие. Если перевести с французского, то заглавие гласило: «Дж. М. У. Тернер и поэзия бури».

– А если Ван Гог, то ее стоимость... О-ля-ля! – Он вскинул руки, напоминая иллюзиониста, выпускающего голубей

из рукавов.

– На аукционе работы Ван Гога выставляются по цене в несколько десятков миллионов, – сказал Хенсон.

– Это возмутительно, даже непристойно. Никакой связи с подлинным искусством, эти ваши аукционы. Но ранее неизвестное полотно... Тут, конечно, да.

– Десятки миллионов? – переспросила Эсфирь. – Долларов?

– Естественно! – хором выпалили мужчины.

– В тысяча девятьсот девяносто восьмом году, – начал объяснять Жолие, – автопортрет Ван Гога продали за семьдесят один с половиной миллионов долларов. Новый аукционный рекорд был поставлен в девяностом. Портрет лечащего врача Ван Гога, доктора Гаше: восемьдесят два с половиной миллиона. В мае девяносто девятого одно из полотен ушло за девятнадцать миллионов восемьсот тысяч, причем этот торг сочли крупным разочарованием.

Сейчас Эсфирь вспомнила, что да, действительно, в газетах что-то такое писали про ценовые рекорды, в то время она не обратила на это внимания.

– Если картина подлинная, – добавил Жолие, – то я готов благодарить бога, что вы ее спасли.

Девушка взглянула на полотно и попыталась понять, отчего оно стоит таких денег. Подсолнухи, ирисы и автопортреты Ван Гога мелькали повсюду – на плакатах, постельном белье, китчевых поделках... Но ведь все эти картины не так

уж и стары, к тому же в них нет ни золота, ни изумрудов.

– Я что-то в толк не возьму... Даже если бы вот эта картина была одной-единственной, которую написал Ван Гог, разве она и тогда бы стоила так дорого? Ведь это просто живопись.

Жолие усмехнулся, но без какого-либо намека на снисходительность.

– Необъяснимо, правда? Великое искусство – оно и есть великое, причем отнюдь не потому, что уходит за большие деньги на торгах. В противном случае нефтяные вышки и торговые центры стали бы нашими величайшими произведениями искусства. Не деньги возвышают Ван Гога, и его величие нельзя выразить огромными ценами. Вообще говоря, деньги мешают видеть подлинное достоинство искусства.

– Да, но восемьдесят два миллиона?! – воскликнула Эсфирь.

– Именно, – сказал Жолие. – Скажем, вы познакомились с мужчиной. Он красив, прекрасно воспитан, обладает утонченными манерами... Словом, вроде бы неплохая партия для будущего брака. Это с одной стороны. Но если потом вы узнаете, что он к тому же владеет алмазными копиями, то здесь к вашему восприятию его подлинной человеческой сути подмешивается кое-что еще. Деньги влияют на страсть. В одну секунду он покажется вам еще более привлекательным, а еще через секунду, возможно, придет пугающая мысль, что вас покупают. Исчезновение Ван Гога стало бы большим го-

рем, потерей для всей нашей культуры, что далеко не связано с ценами на него. Деньги не есть мерило истинной ценности, хотя до окончательного вывода о подлинности этой картины может уйти масса времени. Эксперты, знаете ли, сильно нервничают, когда речь заходит о таких суммах. А то, бывает, на них и в суд подают. Есть шансы, что они наотрез откажутся давать стопроцентную гарантию.

«Деньги не есть мерило истинной ценности». Эсфирь с готовностью приняла такое утверждение и тут же спросила себя: почему? Разве оно не напоминает избитую истину?

– Послушайте, – наконец решилась она. – Я мало что понимаю в изящном искусстве, но это ведь скорее философский вопрос, верно? Что делает Ван Гог более важным, чем... ну, я не знаю... чем картина, нарисованная, скажем, дядей Мартина?

– Вот именно, – вмешался Хенсон, пряча улыбку. – Если на то пошло, дядюшка Ларе в самом деле увлекся живописью незадолго до смерти.

– Предполагая, конечно, что он был примерно на том же уровне, что и Ван Гог, – уточнила девушка.

Жолие задумчиво вытянул губы трубочкой.

– Н-да, мисс Горен, вы умеете докапываться до сути. Однозначного ответа нет. Во-первых, Ван Гог обладает исторической значимостью. Время от времени появляется мастер, меняющий путь, по которому развивается искусство. Ван Гог, можно сказать, развязал руки художникам. Им вдруг от-

крылось то направление, в русле которого пойдет эволюция живописи. Они больше не занимались перепевами старых, уже проработанных тем, а, напротив, создавали новые.

– То есть Ван Гог – это все равно что Элвис, Боб Дилан или «Битлз»?

– Ну... – Жолие немного помялся, – в определенном смысле, пожалуй, да. Никто не способен заниматься после Ван Гога искусством, не ощущая его влияния. Работать можно и в его направлении или наперекор ему, но главное здесь, что Ван Гога уже нельзя игнорировать.

– Как в науке после Ньютона или Эйнштейна, – подхватил Хенсон.

– Думаю, найти можно много параллелей, – сказал Жолие:– Несомненно одно: этот глубоко неуравновешенный, а в конечном итоге и умалишенный голландец изменил живопись. Причем за очень короткое время. Он терпел неудачу во всем. Например, пытался стать проповедником. Слышали об этом? Потом занялся живописью, и, хотя его работы были любопытны, сам стиль походил на такой тупой и невнятный реализм, что говорил скорее об отсутствии техники, нежели об изобретении нового направления.

– Как у моего дядюшки Ларса.

– Наверное, Ван Гог все-таки был получше, – ответил Жолие с коротким смешком. – Но потом он переехал на юг Франции, где с ним под одной крышей поселился Поль Гоген. И внезапно цвет будто взорвался на его полотнах. В ту

пору как раз стали много выпускать ярко-желтого пигмента в тубиках, так что он смог выразить, что у него на душе. Вся его карьера продлилась едва ли с десятков лет. Живописью-то он стал заниматься в тысяча восемьсот восьмидесятом, хотя пик гениальности пришелся на период с тысяча восемьсот восемьдесят восьмого по девяностый, когда он покончил с собой. Никто и никогда столь радикально не менял путь искусства за такое короткое время.

– Мне кажется, все те истории про отрезанное ухо отнюдь не навредили ценам, – заметил Хенсон.

– Романтика ярко вспыхнувшего и тут же сгоревшего метеора, – сказал Жолие. – Его душевная болезнь была жестокой, спору нет, но вот его письма открывают перед нами человека, крайне внимательного и чувствительного к своему искусству. Он был гораздо большим интеллектуалом, нежели об этом принято думать. Толпа вообще считает его за дикого, необузданного лунатика. А он, знаете ли, очень много читал, да-да. И владел несколькими иностранными языками, даже греческим занимался.

В глазах Эсфири разговор слишком далеко ушел от злободневной темы.

– А где Сэмюэль Мейер смог ее достать? – вмешалась она. Жолие беспомощно развел руками.

– А знал ли он про нее? Возможно, он и понятия не имел о ее ценности. Такие вещи случаются, и нередко. Вы же сами смотрите всякие телешоу, про то, как чье-то бабушкино

блюде на поверку оказывается керамикой династии Мин.

Хенсон взглянул на картину.

– Держу пари, он отлично знал, что к чему. Да и как может быть иначе?

Тут он запнулся и, подумав пару секунд, обернулся к Жолие.

– Антуан, ты вот сказал – «ранее неизвестное полотно»... В каком смысле «ранее неизвестное»?

– Э-э... я не эксперт по Ван Гогу, но объем его творчества весьма мал и, мне кажется, я сумел бы узнать любой из его известных автопортретов. Особенно из числа широко репродуцируемых. Людям нравится его «Звездная ночь» или «Подсолнухи», поэтому их копии можно часто увидеть на плакатах и так далее. Но вот этот автопортрет... Нет, не думаю, чтобы я его хоть когда-то видел.

– Что подводит нас к еще одному вопросу, – сказал Хенсон.

– Да, – подтвердил Жолие, – проблема Вермеера.

Мужчины принялись глубокомысленно кивать друг другу, пока не заметили, что Эсфирь отчаянно пытается сдерживать себя в руках.

– Итак, проблема Вермеера Дельфтского, – начал объяснять Мартин. – Понимаешь, был такой голландский фальсификатор по имени Мегерен.

– Хан ван Мегерен, – уточнил Жолие.

– Он не делал поддельных копий с существующих поло-

тен Вермеера, а вместо этого заимствовал его стиль технику и тематику, а потом писал новые картины так чтобы они подходили на творения семнадцатого века

– И вуаля! Обнаружен новый Вермеер, – подхватил Жолие.

Хенсон поближе наклонился к Эсфири:

– Ты уверена, что твоя матушка ничего не говорила про какие-то картины, имевшиеся у отца?

– То есть у человека, который повесил на стену фото бейсбольной команды? И гравюрку по типу тех, что популярны в провинциальных гостиницах? Ну уж нет. Мать вообще ничего не говорила про этого мерзавца если не считать заявлений, будто он нас бросил. И как вы сами знаете, это неправда!

Хенсон поднял руки, сдаваясь под таким напором

– Извини, извини!

Жолие заинтересованно прищурил глаз.

– Гравюра, вы сказали?

– Утята в камышах.

– Ясно, – поморщился Жолие. – Вот уж действительно, «гостиничный жанр»!

Он сделал какую-то пометку в своих записях и продолжил:

– Вы знаете, это может показаться невероятным но в Голландии и Бразилии есть группы ученых, которые пытаются создать компьютерную программу, способную по корреля-

ции многих параметров идентифицировать полотна. Своего рода распознавание оцифрованных образов с учетом характера мазков, использования того или иного цвета и так далее. Система кое-чего добилась, однако мы до сих пор полагаемся на экспертов. Пройдет еще несколько лет, и мы...

Тут он запнулся и поднял авторучку в воздух.

– Постойте! Что же я сразу не сообразил?! Боже, какое счастливое совпадение! Геррит Биллем Турн все еще может быть в Чикаго!

– Кто-кто? – заинтересовался Хенсон.

– Геррит Биллем Турн! Вот человек, к которому я могу вас направить! Один из виднейших специалистов по Ван Гоггу в мире! Самый виднейший!

– И он живет в Чикаго? – спросила Эсфирь.

– Да нет же, он просто приехал для оценки нескольких графических работ Ван Гога по просьбе одного частного коллекционера. Я его видел в нашем главном зале всего лишь на прошлой неделе. Мы познакомились три года назад, на конференции в Австрии. Он говорит, что сейчас дело носит конфиденциальный характер, что-то в связи с разводом или вроде того. Помнится, я своими восторгами его так сконфузил... Мы бы его пригласили выступить с лекцией, если бы заранее знали, что он сюда собирается. Впрочем, экспертиза, по его словам, займет не менее недели.

– И он смог бы выяснить, подлинник ли это? – спросил Хенсон.

– Если не он, то больше некому. Ведь он так увлечен Ван Гогом... Ему представляется, будто Винсент достиг самой вершины живописи, после чего это искусство на весь двадцатый век пришло в упадок.

– Да, но ему не понадобятся те самые тесты, о которых вы упоминали? – забеспокоился Хенсон.

– Для вящей убедительности, возможно. Но он сразу разберется, это я вам обещаю. Он-то разберется.

Антуан потянулся к телефону.

– Мисс Хаймс, – сказал он в трубку, – будьте любезны, не найдете ли вы мистера Турна? Да-да, Геррит Биллем Турн. Попробуйте позвонить в «Палмер-хаус», может быть, он еще не уехал.

Он кинул взгляд на Эсфирь.

– Скрестите пальцы!

– Я очень признателен, – часом позже сказал Жолие, – что вы согласились нас принять. Извините, что так неожиданно...

Грузный мужчина, открывший им дверь, что-то невнятно буркнул, выдернул руку и вперевалку вернулся в комнату. При ходьбе он опирался на две трости, украшенные серебряными набалдашниками в форме театральных масок – одна комедийная, другая трагедийная. Добравшись до дивана, он медленно повернулся и сел. Его крупная, совершенно лысая голова с пятнами старческой пигментации и с седыми кустистыми бровями, казалось, вдавливала нижнюю часть лица в

плечи, заставляя щеки расплываться на манер жабо. На кофейном столике лежали белые перчатки и старомодная широкополая шляпа.

– Для ваш, Антуан, все для ваш, – проворчал он. В начале разговора слова выходили у него глухо, он порой путал звуки или подменял их каким-то странным шипением. – Я ваш уверяю. Ш моим удовольствием. Кто ваши друзья?

– Это мистер Мартин Хенсон, а это – мисс Эсфирь Горен.

– Рат, вешма рат, миштер Хеншон. Миш Горен. Извините, что шижу, но...

– Пожалуйста, не беспокойтесь, – вежливо произнес Хенсон. Они обменялись рукопожатием.

– Я должен скажать, что приехал в Чикаго по совершенно конфиденциальному делу и только профешшор Шолиет шмог бы упетить меня...

– Мы высоко ценим вашу любезность, – тут же отреагировал Жолие.

– Прошу понять, что лекций быть не мошет. Институт искусства, как вы знаете, является одним из наиболее престижных собраний в мире, и ваше предложение мне льстит, но...

– Нет, нет, – вмешался Жолие. – Как я вам говорил, наше дело гораздо важнее любых лекций. Как бы то ни было, мы приглашаем лекторов более официальным путем, даем уведомление в прессе и так далее.

– Так в чем же суть вопроса?

– Мы пришли к вам тоже по весьма щепетильному и кон-

фиденциальному вопросу. Нам нужен ваш опыт как специалиста.

Выпуклые глаза Турна внимательно оглядели гостей.

– Ну, хорошо, Антуан, излагайте. Что же это за великий секрет?

Антуан вкратце изложил суть дела со слов Хенсона: мисс Горен пришла навестить папу и обнаружила в доме грабителя. Турн вздернул бровь.

Эсфирь чуть было не добавила, что совершенно не знала отца, однако вовремя прикусила язык и просто кивнула.

– Мисс Горен была ранена, а ее отца убили, – вставил Хенсон.

– Порой кажется, что мир катится черт-те куда, – заметил Турн, дернув плечом. – Примите мои соболезнования.

– Среди вещей ее отца мы обнаружили картину, – продолжил Жолие.

– Так, так. И какую же роль здесь играю я? – проворчал Турн.

– Картина, кажется, принадлежит Ван Гогу, – тихо ответил Жолие. – Я, конечно, не специалист, однако...

Турн укоризненно выставил тросточку в сторону француза.

– О нет, наш Антуан гораздо больший специалист, чем он пытается казаться. Вы, разумеется, понимаете, мисс Горен, что мне обычно очень хорошо платят за экспертизу Ван Гога, Гогена, Сезанна, Боннара и других мастеров того периода.

– Постимпрессионисты, – кивнул Хенсон.

– К тому же Ван Гог – ваша специальность, – сказал Жюлие.

Взгляд Торна заволокла мечтательная дымка.

– Он изменил мир. Его взгляд на вещи столь же беспощаден и прекрасен, как и у Всевышнего.

Турн, казалось, начал впадать в восторженное состояние, будто услышал волшебное пение далекой, никому не видимой птицы. Прошло несколько секунд, прежде чем Хенсон решился заговорить:

– Мы хотели бы просить вас не о полной оценке или окончательном анализе. Во всяком случае, не сейчас.

– Просто нам надо знать, стоит ли заниматься этим дальше, – подхватила Эсфирь.

– А если все окажется пустышкой, то вы ведь сразу поймете, правильно? – добавил Антуан.

Турн надменно посмотрел на собеседников.

– В принципе, такая просьба обошлась бы вам совсем недешево, однако я могу себе позволить быть щедрым. Тем более что прямо сейчас занимаюсь кое-какими рисунками и графикой. Это тоже Ван Гог. Он, знаете ли, пером и тушью переложил на бумагу всю свою жизнь, даже когда был миссионером.

– Мы буквально час назад обсуждали, почему Ван Гог считается столь великим мастером, – сказал Хенсон. – Антуан очень помог нам своими объяснениями насчет его историче-

ской значимости.

– Хотя, как я подозреваю, – сказала Эсфирь, – только высококвалифицированный искусствовед смог бы оценить его в полной мере.

Торн проворчал:

– Да, вы совершенно правы, дитя мое. Для того чтобы правильно отвести художнику место в историческом контексте, надо не только знать историю, но и чувствовать ее. С другой стороны, вы бы допустили ошибку, заявив, что Ван Гога нельзя оценить по достоинству, не владея историческими знаниями в полном объеме.

«Дитя мое?!» Хотя Эсфирь передернуло от столь снисходительного обращения, она сумела вовремя прикусить язык.

– Как никогда раньше, – продолжал Турн, – его работы говорят нам о тревоге, в которой живет человек в этом мире. Все кажется странным, порой чудесным, но лишь в минуты ослепляющего, упоительного прозрения открывается нам подлинная картина мироздания – этого детища Господа Бога. Ван Гог был пророком. Он увидел то, что оказалось недоступным для других. Он распахнул нам глаза на творение божественного разума, что окружает нас со всех сторон. Он...

– Антуан говорил, что его техника... – решил вмешаться Хенсон.

– Техника! Что техника! Можно подумать, густые краски и голубые мазки дадут ключи к пониманию Бога! Мой друг Жолие никогда не сумеет проникнуть в сущность Ван Гога,

ибо она полностью кроется в ощущении, в чувстве.

Торн пошевелил своими толстыми, как сосиски, пальцами.

– В Антуане слишком много французского. Классицизм французских полотен, французское мышление... Это его шоры, сквозь которые он не различает расовую память, подлинную суть личности.

Эсфирь искоса взглянула на Антуана, потом на Хенсона. Упоминание о расовой памяти само по себе могло прозвучать оскорбительно для любого слушателя, не говоря уже о негре, работающем в очень даже белом мире европейского искусства. Антуан, впрочем, выглядел так, словно беседа его забавляла. Хенсон же нахмурился, как если бы пытался вникнуть в смысл высказываний Турна. Может быть, он на пару с Эсфирью просто ошибся в трактовке слов?

– Я всегда говорил и буду говорить, что Сезанн намного превзошел Ван Гога. А потом, как так вышло, что Ван Гог стал великим? Он переехал во Францию! – непринужденно заметил Жолие. – Он учился среди таких мастеров, как Моне и Сера. А ведь они до такой степени проникли в классицизм, что лишь им одним был виден путь, как выйти за его границы.

Турн состроил такую мину, будто проглотил живую ящерицу и сейчас готовился выплюнуть ее прямо в лицо Антуану.

– Нет, это все как-то очень уж утонченно, мне в жизни

не разобраться, – решил перехватить инициативу Хенсон. – А можно вас попросить дать оценку насчет одной картины? Это правда Ван Гог?

– Мы не раз дискутировали на эту тему с доктором Турном, – любезно пояснил Антуан. – В Праге. В Риме.

Турн, похоже, своим молчаливым согласием решил просто подтвердить текущий статус-кво научного спора.

Кряхтя, он поднялся на ноги и вышел на середину комнаты. Затем вскинул руку на манер римского императора, дающего жизнь или смерть гладиатору.

– Расстелите ее у окна! И будьте осторожны, если действительно верите, что это Ван Гог! Он писал толстыми мазками. Может потрескаться. А если краска жидкая, то вас одурачили. Вот о чем говорит техника письма, дитя мое. Все остальное мелочи.

Он подарил Эсфири улыбку и, опираясь на обе трости, доверительно к ней нагнулся.

– Шутка. Впрочем, хотите верьте, хотите нет, но меня как-то раз попросили дать оценку бумажной репродукции Тинторетто. Ха!

Он повернулся спиной к полотну, пока мужчины разворачивали его на полу, и вытер повлажневшие губы.

– Но чтобы понять, Ван Гог ли это, я должен увидеть ее всю сразу, в один миг. И тогда она сверкнет, как вспышка. Я смогу почувствовать ее мощь. В какой-то степени напоминает работу дегустатора, берущего пробу на алкоголь. Алко-

голь не имеет вкуса, но, испаряясь с языка, он словно вспыхивает. И сила этой вспышки может прошептать эксперту точную цифру.

Эсфирь попробовала улыбнуться в ответ. Далеко не часто приходилось ей встречать столь необычных и напыщенных людей. Жолие тем временем прижал картину сверху диванной подушкой, а снизу приспособил стеклянную пепельницу. Скрученный холст оказался настолько жестким и упругим, что пепельница едва-едва могла удерживать его на месте.

– Готовы? – спросил Турн.

Мужчины на цыпочках отошли от полотна.

– Да, – ответил Хенсон, с сомнением взирая на импровизированные крепления.

– Что ж, господа, прошу перейти на ту половину комнаты, – жестом показал Турн. – И пожалуйста, ни звука.

Хенсон бросил на Антуана взгляд и заговорщицки подмигнул. Жолие нетерпеливо отмахнулся. Проходя мимо Эсфири, Мартин иронически вздернул бровь. Похоже, ситуация его забавляла. Эсфирь опустила голову и уставилась на кончики своих туфель.

– Итак, – сказал Турн, – тишина! Только тишина, умоляю вас!

Он выпрямился, словно собрался отдать кому-то честь, затем плотно сомкнул веки. Ноздри его раздулись. Он походил на оперного певца, ждущего, пока оркестр приблизится

к первой ноте сложнейшей арии. Глубоко дыша, он собирался с силами, успокаивая самого себя перед великим испытанием. Неуклюже переступая на месте и по-прежнему жмурясь, он повернулся так, чтобы оказаться лицом к лицу с картиной.

Турн приоткрыл глаза и тут же распахнул их до предела. Поблуднел и затрясся, напоминая боксера после сильнейшего удара, хотя сумел-таки сохранить равновесие. Впрочем, все три гостя уже бросились к нему, желая как-то помочь, не дать ему упасть. Эсфирь ухватилась за толстый локоть, однако голландец немедленно высвободился.

– Нет! – задыхаясь, воскликнул он. – *Mijn God!*⁴ Не может быть!

Рванувшись вперед, он тяжело осел на колени и уперся ладонями в пол, словно защищая картину своим телом.

– Доктор Турн! Доктор Турн! – забеспокоился Хенсон.

Эсфирь шагнула ближе и, прижав пальцы к липкой шее голландца, принялась нащупывать пульс.

Пока Жolie искал телефон, Турн успел отогнать Эсфирь в сторону и опять утвердился в полураспростертой позе.

– Да что ж такое! – вскипел француз и сильно дунул в трубку. – Дежурный?! Это из неме...

– Ш-ш-штоп!!! – то ли зашипел, то ли захрипел Турн. – Штоп! Молшать! – Он явно задыхался. – Это не приступ! Дураки!

⁴ Боже мой! (голл.)

Эсфирь вновь потянулась к инвалиду, думая помочь. Испепеляющий взгляд приковал ее к месту.

– Что вы прицепились к этому идиотскому телефону! – рывкнул голландец на Антуана.

Покачиваясь из стороны в сторону, Турн наконец сумел оторвать руки от пола и выпрямиться на коленях. Он был так разгорячен, что на холст упала капля пота. Жолие с Хенсоном переглянулись. Еще раз нагнувшись вперед, Турн чуть ли не носом поводил по картине, а затем вновь осел на пятки.

– Аквавит! – прохрипел он.

Жолие окинул комнату взглядом и бросился к серванту времен королевы Анны. Возле встроенного телевизора стоял поднос с бутылкой и двумя стаканами. Жолие проверил этикетку и на два пальца налил бренди.

– Вы в порядке? – осторожно поинтересовался Хенсон.

Кивнув, Турн отмахнулся от полицейского. Одним глотком осушил стакан, отдал его Жолие, зажмурился и ущипнул себя за переносицу. Открыв наконец глаза, он бросил еще один взгляд на картину и только потом вскинул голову, ища Эсфирь.

– Я не верю... Где вы ее нашли?

– Выходит, подлинник! – обрадовался Хенсон.

– Она исчезла еще в сорок пятом, – сказал Турн. – Это же дегрутовский портрет! Считалось, что полотно погибло. *Mijn God!*

– «Дегрутовский»? – переспросил Жолие.

Турн втянул воздух сквозь зубы.

– Был такой маленький музей. Дом семейства Де Грут. Бекберг, Голландия.

– Никогда не слышал, – заметил Жолие.

– Да, в нем хранилась мало чем примечательная коллекция. Скорее, просто мешанина из греческой краснофигурной керамики, пары-тройки аркебузов и прочего испанского и фламандского оружия семнадцатого века. Совсем немного живописи. Музея больше нет. Он существовал при монастырской школе, которую закрыли еще в сороковые годы. Стыд и срам, конечно, но здание после этого забросили, кровельные балки сгнили, а кирпичную кладку продали одной суперзвезде кино для строительства летнего домика.

Жолие подался вперед.

– Так вот почему я о нем не слышал! И что же стало с коллекцией?

– По большей части попала в руки СС, еще во время войны. А что мы могли сделать? Они брали все, что им вздумается.

Эсфирь понурила голову. Да, она ожидала услышать нечто подобное, однако все еще надеялась, что по какой-то невероятной случайности ее отец окажется ни при чем.

– Что вы могли сделать? – недоуменно переспросил Жолие. – Вы что, там были?

– Ах, Антуан... Прихоти судьбы... Да, я там работал. Был очень молод, но ведь мужчин тогда не хватало... Секрета-

рем при хранителе музея. А эта картина считалась вершиной всей коллекции, и немудрено. Все остальное – так, чепуха разных сортов. Бывало, я просиживал перед ней часами. Она стала моим другом. Более того! Она стала причиной, почему я сделал Ван Гога своей специальностью. Не могу поверить, что она сохранилась!

Турн обеими руками ухватил Жолие за лацканы.

– Антуан, я видел, как она горела! Пламя! Дым!

– Мне показалось, вы утверждали, что коллекцию разграбили... – заметил Хенсон.

– Конечно, разграбили! – возмутился Турн. – Немцы сначала все перевезли в пригородный дом семейства Де Грут. Но когда союзники стали подходить ближе, остатки коллекции погрузили на машины. Я лично отвечал за упаковку. Картину поместили в кузов грузовика, «опель-блиц», если не ошибаюсь. Вскоре после их отъезда мы увидели столб дыма. В нескольких километрах от дома горел этот грузовик. Его обстрелял «спитфайр», и все погибло в огне.

Жолие задумчиво поджал губы.

– *Mijnheer*⁵ Турн, а не может ли она быть копией?

Голландец некоторое время размышлял, периодически поглядывая на полотно.

– Нет. Невозможно. Кто-то, видимо, вынул ее прямо из горячей машины. А может, ее украли еще раньше, и я загрузил в кузов пустой ящик... Да нет, ведь я следил за ней, не от-

⁵ Господин (голл.).

рывающая глаз! Ни разу, ни на секунду!.. Впрочем... Нет, невероятно! – Он в полном недоумении потряс головой и продолжил: – После войны, конечно, появлялись ее подделки. Их продавали ничего не подозревающим коллекционерам, которые далеко не всегда следовали этическим нормам. Но это не подделка!

Турн выпрямил спину и вновь взглянул на полотно.

– Нет, это она. Я уверен, это она...

Сейчас в комнате было слышно только тяжелое сопение голландца.

Тишину наконец нарушил голос Антуана:

– Появилось ли что-нибудь из коллекции «Де Грут» после войны?

– Только вещи из иудейской части фонда.

Эсфирь вскинула голову.

– Да, среди собрания имелась небольшая подборка средневековой иудаики. Подсвечник. Канделябр. Молитвенник. В общем, очень немного. Вещи из одной испанской синагоги, разграбленной во время войны за независимость Голландии. Кое-что из артефактов позднее всплыло на Украине, после развала Советского Союза. Скажем, кремневое ружье.

– А Советам-то как они достались? – спросил Хенсон. – Об этом что-нибудь известно?

– Тоже растащили, я думаю. Сначала немцы, потом русские. Кто знает? После окончания холодной войны в Берли-

не были найдены кое-какие документы. Платежные квитанции за приобретенные предметы искусства. В одной из них как раз упоминался Ван Гог из нашей коллекции. В другой – несколько ваз из отдела керамики.

– И кто-то видел эти вазы? – спросил Жолие.

– Насколько я знаю, нет. – Турн опять обернулся к портрету. – И Ван Гог тоже не появлялся. Квитанции, найденные в Берлине, вовсе не означают, что вещи действительно туда добрались. Мы же видели столб дыма от горящего грузовика! Нет, документы на якобы купленные музейные фонды составлялись еще до погрузки или чуть позже, чтобы скрыть факт кражи коллекции. А может, кто-то где-то втихомолку приложил руку. Что еще можно ожидать от воров!

– Скажем, некто, работавший на Третий рейх, – пустился рассуждать Хенсон, – взял настоящую музейную опись, чтобы сфабриковать поддельные квитанции. Но ему – или им – не было известно, что некоторые предметы погибли. Или что их украли по пути. По моему опыту, расследования далеко не раз сталкивались с подобными ситуациями.

Турн не слушал Хенсона. Он просто стоял и молча плакал.

– Нет, это невероятно... словно встретить давно пропавшего брата...

«Или отца», – подумала Эсфирь.

Итак, ситуация прояснялась. Известно, что Стефан Мейербер от имени нацистов грабил музеи в Южной Франции. Очевидно, он бежал затем в Голландию, где вновь приложил

свои таланты, а потом в Германию.

По дороге он сменил имя и фамилию на Сэмюеля Мейера, затем эмигрировал в Америку. Хенсон прав. Смерть Мейера в Швейцарии – всего лишь инсценировка. Как иначе объяснить, что подлинный Ван Гог объявился на чердаке дома Мейера в Чикаго?

Надо полагать, мать Эсфири об этом узнала. Возможно, даже видела Ван Гога своими глазами. Вот почему она бросила Сэмюеля Мейера. Из любви к дочери она сохранила страшный секрет ее отца.

Тело девушки словно онемело, в животе образовался какой-то мертвый комок. Нет сил думать. Нет сил даже плакать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.